

К63.3(2Р)

П53

Александр Полынкин

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ
ЗЕМЛИ ПОКРОВСКОЙ

pp

К63.3(2Р)

П53

Александр Михайлович
Польнкин

Легенды и были
земли Покровской

А 247960

КРАЕВЕДЕНИЕ
2009

КР-2017

Орел – 2007 г.

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. И.А. Бунина

ББК 84(2)6

П 87

П 87 **Полынкин, Александр Михайлович. Легенды и были земли Покровской/Полынкин А.М. — Орёл: Издатель А.В. Воробьев, 2007. — 144 с.**

Полынкин Александр Михайлович родился 5 февраля 1956 года в деревне Бунино Урицкого района Орловской области.

В 1978-ом году закончил историко-английский факультет Орловского педагогического института. Более четверти века проработал в системе образования Покровского района (учителем, заместителем директора, директором).

Все эти годы занимался и продолжает заниматься до сих пор краеведением.

Основал два музея, участвовал в создании нескольких документальных фильмов по истории Покровского края.

Автор книг — «Покровский край» (в соавторстве с В.М. Катановым — «Орелиздат», 2001 г.); «История Покровского края с древнейших времен» (в двух частях, Покровское, 1994 и 1995 гг.); «Отец» майора Пронина» (Орел, 2005 г.); «В десятку» (Орел, 2006 г.) и более 300 статей по краеведческой тематике в районных и областных периодических изданиях и сборниках.

Эта книга — плод многолетних краеведческих поисков, в ходе которых были выявлены новые факты замечательной истории Покровского края и раскрыты подробности биографий многих земляков — героев земли Покровской.

© Полынкин А.М., 2007

© Издатель Воробьев А.В., 2007

5-ЛЕ-И-ПО-07

Вступление

Уважаемый читатель!

Книга, которую ты взял сейчас в руки, – плод многолетнего труда. Жанр ее я определить затрудняюсь. Скорее всего, «Легенды и были» – это исторические очерки, некоторые из которых имеют чисто документальную основу, в других присутствует изрядная доля фантазии. Во всех очерках речь идет или о событиях, происходивших на территории Покровского края (с XVII века до наших дней), или о наших замечательных земляках.

Писались эти материалы в течение двадцати с лишним лет. Первый очерк – «И на земле сражались до конца» – был опубликован, к примеру, еще в 1982 году, – в газете «Орловский комсомолец», а очерк «Герой России – Юрий Чумак» появился в районной «Сельской правде» 11 октября 2005 года.

Конечно, далеко не все, написанное мною за двадцать лет, нашло свое отражение в этой книге. Я поместил сюда самые (по моему мнению) интересные рассказы о событиях и людях нашего края. Мне кажется, сведенные вместе, они дадут целостную картину родной земли, и читатель сумеет это оценить.

Книгу я посвящаю своим землякам-покровчанам, поскольку без них она никогда бы не появилась. Некоторые из земляков были рассказчиками, от которых я узнавал о тех или иных событиях, другие – стали героями моих очерков, а третьи оказали конкретную финансовую помощь в долгожданном появлении на свет этого издания.

Я благодарен Главе Покровского района Д. И. Романову, председателю Покровского районного Совета народных депутатов В.М. Третьякову, моим коллегам Ю.В. Хархардину, А.Б. Дубову, А.И. Еремину и учителям Успенской школы.

Очень надеюсь, что наши совместные усилия будут оценены земляками – теми, для кого и писалась эта книга.

Сражение на реке Липовец (Сказание о 50 ливенцах, которые сами погибли, но войско татарское остановили)

В конце мая 1623 года отряд казаков 12-й сторожи, находившейся в 150 верстах от Ливен, на Меловом броду через Быструю Сосну, постоянно дежуривший на самом краю русских земель, обнаружил татарскую орду. Крымцы находились в двух-трех поприщах (днях конного переезда) от Ливен.

Готовились стоять насмерть

Для ливенских воевод Засекина и Язвенцова, знавших, что незваные гости в этом году появятся обязательно, это известие оказалось все же неприятным сюрпризом. Были отправлены гонцы, с наказом, чтобы уездные жители, спрятав свое добро, поспешили в город, в осаду. К засекам, т.е. местам, заваленным лесом, перекопанным рвами, приказано было собрать окрестных служилых людей.

На одной из засек, расположившейся на крутом, заросшем густым лесом берегу реки Липовец (это один из притоков реки Труды, впадающей в Сосну), усердно трудились около полусотни детей боярских и казаков. Засеку устроили в этом месте потому, что проходил здесь удобный, хотя и неширокий, брод через реку Липовец – она узкая, зато глубокая была, илистая и с крутыми берегами. За бродом проходила дорога, расходившаяся через пару верст на две – в сторону Ливен, на Орел и на Мценск.

Легенды и были земли Покровской

Стучали топоры – причем, те, кто рубил деревья, делали это так, чтобы они падали не у корня, а повыше, на высоте человеческого роста (такие деревья труднее потом оттащить в сторону). Длинный и глубокий ров был заполнен водой, из которой торчали вбитые в дно заостренные толстые колья.

Конечно, эта засека не могла надолго задержать большой отряд воинских людей (слишком невелико было число ее защитников), но вот против передовых, разведывательных групп она подходила вполне.

К тому же засека находилась выше истока Быстрой Сосны, в 60 верстах от сожженного к этому времени Орла, и если татары появились здесь, это означало, что они целью ставят не захват или грабеж Ливен и Ливенского уезда, а другие, ближе к Москве расположенные города – Болхов, Мценск, Белев.

Несмотря на то, что Ливны, сожженные в 1618 году гетманом Сагайдачным, были слабо защищены, и острог не успели еще отстроить, однако 600 с небольшим защитников – все ливенцы: дети боярские, казаки, стрельцы, пушкарки, затынщики (стрелки из затынных пищалей) готовились стоять насмерть.

Прошло несколько дней, возвратились назад в Ливны пять станиц, посланных в разведку – татары словно растворились в бескрайней засосенской степи, пропали бесследно.

Ночь перед боем

На второй неделе июня прискакал в Ливны казак с шестой сторожи, стоявшей от города в 40 верстах, и сообщил, что большая татарская орда прошла мимо них, поднимаясь вверх по Быстрой Сосне, но не пытаясь переправиться через нее.

Князь Засекин и воевода Язвенцов вздохнули с облегчением: стало понятно, что не на их уезд направлен этот набег крымский.

Однако радость ливенских воевод была преждевременной. В начале второй недели июня голова полусотни, сторожившей засеку у Липовца, выехал с несколькими казаками в разведку за реку и с трудом смог незаметно вернуться обратно: большое татарское войско двигалось по сакме к его засеке. Крымцы частью отряда вышли к Липовцу уже вечером и разбили здесь лагерь.

Никифор Мацнев (так звали голову) одного из своих казаков немедленно отправил в Ливны – сообщить, что, очень возможно, татары, обойдя всю Быструю Сосну без бродов, развернули свою орду и хотят выйти к Ливнам с северо-запада, со стороны Орла, где их меньше всего ждут.

Другой казак поскакал во Мценск – нужно было сообщить и туда: слишком велика казалась татарская орда, и выглядела она очень свежей и страшной. Остальные защитники засеки ночь провели беспокойно, в полудреме, поочередно наблюдая за горевшими в 300 метрах от них, на другом берегу реки, татарскими кострами. И, судя по ним, крымцев было никак не меньше двух тысяч.

Мацнев, всю ночь размышлявший, как же с 48 людьми против этих тысяч продержаться, так и не прилег ни на минуту. Защитники засеки, дети боярские и казаки, вооружены были пищальми и саадаками (лучников было 30, а владельцев пищалей почти в два раза меньше). Стрел к саадакам хватало, а вот свинца и пороху к пищальям хотелось бы иметь побольше, да воеводы, пославшие их сюда, сами запасов не имели.

Расстрел татар на засеке

Рассветало. Вдоль речной долины стоял сильный туман, и только когда с подъемом солнца довольно высоко туман рассеялся, передовой отряд крымцев начал спуск к реке.

Мацнев уже заметил: у татар пищалей нет – только луки, стрелы, мечи, и это была единственная хорошая новость для русских воинов. Голова поэтому в самом начале

Легенды и были земли Покровской

боя решил напугать противника и по возможности деморализовать его.

Брод через Липовец здесь не широкий, и татары это знали. Пять передовых всадников на низкорослых лошадках находились уже посередине реки, когда Мацнев махнул рукой: «Пали!»

Пятеро казаков, лежавших на краю засеки за срубленными огромными дубами, выстрелили почти одновременно. В воду упали трое крымцев, одна лошадь, и лишь пятый всадник не пострадал, но напуганная лошадь так резко рванула в сторону, что и он свалился с коня. Так начался бой полусотни Никифора Мацнева с татарской ордой.

Еще трижды, уже гораздо быстрее и в большем количестве ордынцы пытались переправиться через Липовец и каждый раз с большими потерями были вынуждены отступать. Причем, экономя свинец и порох, Мацнев чаще выставлял вперед лучников, умело поражавших татар в незащищенные места.

Крымцев особенно бесило то, что стрелявших в них они совсем не видели – умело построенная засека надежно укрыла защитников, не давая возможности татарам хотя бы приблизительно узнать, сколько же перед ними противников. Пару раз – после четвертой неудачной попытки переправиться – ордынцы пускали тучи стрел в сторону засеки, правда без особого успеха (трое детей боярских и двое казаков были ранены, но из боя не ушли).

К концу дня в лагере татар началось какое-то движение. Наблюдавший за полем боя Мацнев увидел, как, оставив у речки солидное прикрытие, основная часть татарского войска двинулась вверх по течению реки – к ее истокам.

Голова понял, что татары решили обойти реку (благо до ее начала было всего 6-7 верст) и окружить защитников засеки с незащищенной стороны.

Да, Мацнев это понял, но и просто уйти, спасаясь, он не мог – это увидели бы татары из числа тех, что находились напротив, за рекой.

Неравный бой

Наутро татарское войско полукольцом охватило засеку и ее защитников с сухопутной стороны и блокировало от реки.

Неизвестно, сколько времени продолжался этот смертельный последний бой русских воинов с огромной татарской ордой, но не один час - точно. Крымцам пришлось спешиться, поскольку в лесу на лошадях не повоюешь, а в пешем бою ливенцы дрались, аки барсы. И только изнемогшие от ран, окруженные каждый десятком врагов, они пали на поле боя, забрав с собой в мир иной по несколько противников.

Понеся большие потери на берегу неизвестной речушки и узнав о том, что к месту боя сразу с двух сторон – из Мценска и Ливен – спешат русские войска с пищальями и пушками (посланные Мацневым казаки свою задачу выполнили), татары решили судьбу не испытывать и тем же путем, но теперь уже по течению Быстрой Сосны, ушли в степи. Своих погибших воинов перед уходом они похоронили у леса, рядом с местом боя.

Ливенский воевода князь Засекин с отрядом в 300 человек, вооруженных пищальями, с двумя небольшими полковыми пушками подошел к Липовцу на следующий день. С ним возвратился и посланный Мацневым ливенский казак.

Каждый из погибших детей боярских и казаков имел не одну рану, многих уже после смерти татары в ярости исполосовали холодным оружием.

Воевода приказал перенести павших воинов по тому же броду через реку, которую они защищали, на другую сторону Липовца. И уже здесь, напротив засеки, выкопав каждому из 48 отдельную могилу, их похоронили.

Татарское кладбище

Это место жители небольшого села Троицкое (находящегося в Покровском районе. – А.П.) называют до сих пор

_____ Легенды и были земли Покровской

Татарским кладбищем, но не потому, что похоронены здесь татары, а как раз наоборот – русские воины, погибшие в бою с татарами. Кладбище, которому уже почти 400 лет, имеет форму прямоугольника, внутри которого хорошо видны маленькие холмики над могилами. Их, если посчитать, как раз около 50.

Легенду же о событиях четырехвековой давности, передававшуюся из поколения в поколение, рассказал мне уже покойный ныне житель Троицкого Михаил Михайлович Гаврюшин. Он же показал точное место нахождения Татарского кладбища.

Честно скажу, я ему не поверил. Но два года спустя мы пришли сюда с учащимися – членами краеведческого кружка и провели пробное вскрытие одного из холмиков. Это действительно оказалась могила, а в ней уже истлевшие останки. Значит, правдой было все рассказанное троичким старожилом? (Останки мы бережно закопали обратно. – А.П.)

И еще. В начале 19 века жил неподалеку от Троицкого, в деревне Родионовке, один помещик – Родион Мацнев, тоже узнавший об этой истории. Выяснил он подробности тех событий и решил, что Никифор Мацнев – ливенский голова, командир той славной героической полусотни, погибший в полном составе в бою с татарами, его предок. В память о нем построил Родион Мацнев церковь в Троицком и усадьбу свою сюда перенес.

Церковь Святой Живоначальной Троицы просуществовала до начала 30х годов 20 века. Ходил молиться в нее Родион Мацнев, потом его дети и внуки, и почти все они у стен ее похоронены.

В 30х годах церковь закрыли, а потом взорвали, используя битый кирпич для строительства общественных зданий в райцентре Покровское. От всех мацневских могил остался фамильный пустой склеп без дверей и надгробие одной из Мацневых – Елизаветы Васильевны. Да еще легенда, прожившая 400 лет.

Она, думаем, и еще столько же проживет.

Дросковская история

(Как князь Репнин по пьяному делу чиновника уволить не смог)

Генерал-губернатор смоленский и орловский Николай Репнин в полдень 24 августа 1780 года получил бумагу, прочитав которую, пришел в совершеннейшее негодование.

Орловское наместническое правление сообщало сиятельному князю, что Малоархангельской округи земский исправник Волчков не заслуживает наказания за совершенный им проступок. Между тем генерал-губернатор в своем послании правлению настаивал на предании Волчкова суду за «преступное бездействие». Чем же «дряхлый старик» (земскому исправнику было уже за 70) не угодил Репнину?

История, длившаяся до этого разбора уже год, началась в селе Дросково Малоархангельской округи. Село стояло на почтовом тракте из Малоархангельска в Ливны, имело торговую лавку и почтовую станцию. Была в Дросково и единственная на несколько ближайших населенных пунктов питейная контора. С утра до вечера в питейном заведении толпился народ. Шестеро дюжих целовальников по знаку поверенного без усталости вытаскивали на свежий воздух бесчувственные тела.

Протрезвевшие на холодке «питухи» через час-другой снова заходили в питейную контору. Других посетителей, уже бездвижных, принимали стоявшие у дверей жены (им вход в заведение был запрещен). Некоторые из баб, обыскав карманы своих кормильцев, тут же, не стесняясь, таскали их за бороды. Третьи, проспав до утра, на негнущихся ногах плелись с больными головами, без гроша в кармане, по направлению к дому. Так и текла размеренная жизнь этого злачного заведения, пока вдруг у одного из посетителей питейной конторы, мужика не сильно пьющего (он позволял себе чарку-другую лишь по воскресным дням да престольным праздникам), не завелся червь сомнения, который точил его каждое посещение конторы.

Звали этого мужика Родион Енин. Односельчане уважали его за грамотность, честность, и был он выборным села Дросково (депутатом сельсовета, как сказали бы сейчас). Показалось Енину, что поверенный дросковской питейной конторы Иван Корякин жульничает с вином. Шкалики и чарки, которые целовальники продавали во второй половине дня, были открытыми. Правда, Енин заметил, что такого рода посуда почти всегда выдавалась уже сильно подвыпившим посетителям. Родион пару раз попробовал вино из этих шкаликов и чарок и понял, что оно разбавлено водой. Но те, кто пил его, этого не замечали – степень опьянения у них уже была соответствующая.

Подошел Родион как-то к поверенному Корякину и попробовал его усомнить: «Что же ты, Ванька, али совести совсем нет – мошну свою набиваешь так-то?» Взбеленился Корякин и послал Енина очень далеко. Но Родион – мужик казенный, не крепостной, горлом его не возьмешь. Отправился он к коронному поверенному Заикину (тот Корякина на работу принимал). Рассказал Енин все, сомнения свои высказал, а Заикин ему: «А тебе прибыль с этого какая? Правду ищешь? Не найдешь ты ее тут». Понял Родион, что коронный поверенный с Корякиным заодно (да и слухи ходили, что часть «пьяных» денег Заикин получает от Корякина еженедельно). Написал тогда Енин (как выборный села Дросково) прошение Малоархангельской округи земскому исправнику Волчкову, в котором просил того приехать и разобраться в делах питейного заведения.

Прошел месяц, второй, третий – не приехал Волчков в Дросково и ответа на прошение не дал. Уговорил Енин нескольких дросковских мужиков, кто потрезвее, помочь ему поймать Корякина за руку, когда тот вино разбавленное в шкаликах и чарках продаст. После двух скандалов затаился Корякин на неделю, вино целовальники запечатанным стали подавать – мужики пьянее обычного от него были и денег меньше тратили.

А 19 августа 1779 года, в воскресный день, зашел Енин вместе со своими помощниками-однодворцами в питейную контору. Взяли по шкалику, но выпить не успели. Подскочили к ним мордovorоты-целовальники, сначала Родиона Енина, а потом однoдворцев дубинами по головам угостили и веревками пеньковыми руки повязали. А вот что потом случилось, описали в донесении генерал-губернатору князю Репнину его подчиненные: «Целовальников было шестеро. Из них четверо держали наказываемого, а двое секли в два кнута. Тиранство это успел остановить приехавший в контору один из тех же служащих у коронного поверенного в то время, когда иссеченного уже Енина переворотили было вверх животом для дальнейшего наказания. Страшно было смотреть на наказанных, не надеялись, что они останутся живы. Но только выборный (Р. Енин) от того бою в пятый день и умер»...

Малоархангельский земский исправник Волчков, когда ему сообщили о сем деле, долго не мог решить, что делать и как. И когда он, наконец, прибыл в Дросково, Корякин от суда скрылся. Целовальников арестовали и отправили в Малоархангельск. Местные стражники с ними особо не церемонились, и пока шло производство дела, трое из шести целовальников умерли в тюрьме. Оставшихся в живых уголовная палата приговорила к 50 ударам плетью каждого и взысканию с них в пользу оставшихся в живых однoдворцев по два рубля. Во время жестокого наказания умер еще один целовальник.

Когда исправник Волчков стал выяснять, кто такой Корякин и как ему доверили питейную контору, обнаружилось, что коронный поверенный принял его на работу без паспорта и за взятку. По законам тогдашним судить коронного поверенного мог только сенат, и поэтому уголовная палата отправила дело в Санкт-Петербург. Князь Репнин лично проследил, чтобы штраф не был маленьким: 25 рублей для того времени составляли солидную сумму. Но самый главный преступник – бывший поверенный питейной конторы Корякин так и не был найден.

Легенды и были земли Покровской

Когда смоленский и орловский генерал-губернатор познакомился с подробностями, то решил, что только из-за земского исправника Волчкова злоумышленник сумел скрыться – время-то было упущено. Князь Репнин обратился с посланием к Орловскому наместническому правлению о примерном наказании того, кто проявил «преступное бездействие». Но ответ из Орла лишь вывел его из себя.

Репнин, конечно, догадался, в чем дело. «Дряхлый старец» Волчков многие годы подкармливал начальников в Орле, и они не оставили в беде исправника. Генерал-губернатор не мог отменить решение наместнического правления, однако и проглотить «ежа» он не желал. Потому, скрипя зубами, князь отправил в Орел второе послание: «Понеже он (Волчков) по старости лет и дряхлости не может отправлять должность исправника, то чтоб в оной впредь еще какого упущения не последовало, наместническое правление имеет приказать выбрать на его место другого предписанным в законе порядком».

15 июня 1781 года Николай Васильевич Репнин был назначен генерал-губернатором смоленским и псковским, а управление орловским и курским генерал-губернаторством было поручено князю А. Прозоровскому. Когда Александр Александрович летом 1782 года ознакомился с городами губернии, то выяснил, что наибольшие «непорядки и неустройства» среди земских начальников у малоархангельского Волчкова. Узнав, что Волчкову уже исполнилось 72 года, Прозоровский приказал уволить его со службы.

Князь был очень суровым человеком, не терпевшим неподчинения. Но проследить за карьерой Волчкова не успел – сам ушел со службы в конце декабря 1783 года. И только губернатору-иностранцу, Францу Кличке, удалось в 1785 году «уволить от всех дел за болезнями с произведением ему по смерти полного его нынешнего жалованья» исправника Волчкова.

Ну а душегуб Корякин – что ж, вполне возможно, он преспокойно занимался в это время своим любимым питейным бизнесом в одной из соседних губерний.

Как крестьяне села Смирные с помещиком Киреевским воевали

В тот год, когда великий полководец Суворов со своими чудо-богатырями проходил через перевал Сен-Готард и Чертов мост в швейцарских Альпах, в Орловской губернии, в Малоархангельском уезде, умер помещик Петр Киреевский.

Новый хозяин

Сыну Николаю завещал он два обширных имения с 500-и душ крепостных. Тот поселился в имении и хозяйствовать начал. Крестьяне от отца достались ему смиренные, работающие, богобоязненные: пахать ли, сеять, хлеб ли убирать, коноплю мять – все выполняли вовремя, как только приказывал Киреевский.

Трудно в 80 лет уследить было и за крестьянами, и за обширным хозяйством, но не хотел Николай Петрович заранее делить имение между четверьмя своими сыновьями – одному лишь Ивану доверил управлять.

Вот и почувствовали тогда мужики, почем фунт лиха. Оказалось, слишком вольно они живут: старост сами выбирают, из селения отлучаются, когда захотят, работают три дня подряд сначала на помещика, а потом три дня на себя.

Вскоре в селе Смирные и деревне Степанищевой новые старосты появились. От управляющего они власть получили большую, вплоть до физического наказания крестьян. Из имения запретил даже по важным делам уходить новый хозяин кому бы то ни было.

Однако с этим, хотя прежних хороших отношений с владельцем крестьяне лишились, они могли бы еще примириться. Но придумал помещик совсем непотребное,

чего Николай Петрович, отец его, не делал никогда: работать на господском поле крестьяне должны были не три дня подряд, а по вторникам, четвергам и субботам.

Крестьяне начали просить вернуть прежний порядок, на что им ответили категорическим отказом.

Крестьянский бунт

Трех челобитчиков тайно отправили тогда крестьяне в Орел, к губернатору Сафоновичу. И вскоре по его поручению приехал в имение Киреевского вице-губернатор вместе с жандармским штабс-капитаном Вырвичем.

Побещал Иван Николаевич своих старост убрать (пусть крестьяне сами выберут) и дать для крестьянских работ три дня подряд.

Но только уехала комиссия в Орел, и едва успели мужики новых старост на миру выбрать, как сказал им помещик: «Ишь, чего захотели! Как было до этого, так и будет! Ничего я вице-губернатору не обещал: привиделось вам это!» Старосты пуще прежнего злобствовать стали, и чуть однажды не дошло до самоубийства одного из провинившихся.

Возмущенные смировцы и степанищевцы числом более ста человек явились тогда к дому господскому.

И приказал помещик своим дворовым гнать просителей в шею и в тот же день написал письмо малоархангельскому исправнику о том, что крестьяне его «вышли из повиновения и восстали с буйством противу законной власти своего владельца», просил принять меры.

А мужики пешком пошли в Орел, и через два дня их уже с удивлением увидели в городе, у резиденции губернатора Сафоновича. Губернатор принял троих просителей и очень озлился, что Иван Киреевский нарушил данное им обещание...

Еще дважды Сафонович распоряжался вернуть жизнь крестьян в прежнее русло, но так и не добившись от упрямого Киреевского согласия пойти на уступки и видя в

выступлении его крестьян угрозой для порядка и спокойствия, губернатор приказал жандармскому полковнику Арцышевскому принять необходимые меры для умирения бунта.

10 сентября 1859 года по распоряжению Арцышевского в село Смирные из уездного Малоархангельска прибыли 30 человек рядовых при двух унтер-офицерах.

На площади собралось 125 недовольных крестьян. Из толпы раздавались возгласы: «Нам царь один укащик, православные! Постоим за закон. Народ православный, стой заодно».

Всех крикунов полковник приказал солдатам отделить от толпы и взять под арест. Когда их отводили подальше от остальных, один из арестованных, Дмитрий Погорельцев, кричал: «Что ж, на штыки, так на штыки, мы хоть сейчас на них полезем!»

19 арестованных полковник Арцышевский хотел отправить в Малоархангельск, однако толпа мужиков и баб (крестьянские жены находились неподалеку) не дала этого сделать.

Жандарм на приказ о стрельбе по неподчинившимся не решился – крестьян было слишком много.

А Иван Киреевский дал публичное обещание крестьянам, что их просьбы и жалобы будут доведены до губернатора, и если тот прикажет, то помещик его приказ о трех днях выполнит.

Только после этого крестьяне разошлись по домам, а арестованные 19 человек были посажены в отдельную избу под охрану – дожидаться решения своей судьбы.

11 сентября губернатор отправил на место событий один батальон нижних чинов с тем, чтобы в каждое из имений введено было по две роты Селенгинского пехотного полка.

Выбирая между справедливостью (в пользу крестьян) и общим порядком в губернии, губернатор, конечно, же выбрал последнее. Земский исправник просил всех ждавших справедливости смирновских и степанищевских му-

Легенды и были земли Покровской

жиков 15 сентября 1859 года собраться на рыночной площади села Смирные к 10 часам утра. Сюда же приказано было собрать 60 человек людей из околных имений (за чем, станет ясно чуть позже).

Четыре роты, вышедшие в 5 часов утра из села Дросково, окружили село Смирные со всех сторон рассыпным строем всего батальона. Когда это было сделано, то жандармский полковник Арцышевский, чиновник Снопов, батальонный командир с адъютантом, взяв с собою барабанщиков, горнистов и прикрытие, прибыли на площадь села Смирные, где нашли крестьян собранными и вовсе не ждавшими ничего плохого.

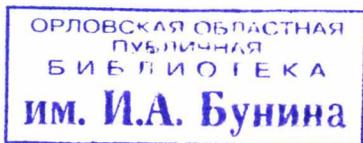
«Удостоверившись, что виновные крестьяне все налицо, Арцышевский приказал барабанщикам бить и горнистам играть сбор всему батальону. По этому сигналу все роты из занятых ими позиций быстро начали собираться к площади, и в четверть часа батальон окружил всех крестьян, которые покорились нравственному влиянию военной силы».

Под прикрытием батальона виновных отвели в ригу, где при околных людях (помните, вот для чего – для устрашения непокорных и предотвращения будущих выступлений собрали их сюда) подвергли наказанию: более виновные 25 человек получили по 50 розог, а 41 человек – от 20 до 30 ударов.

По настоянию помещика Киреевского самых виновных наказали еще строже: двоих сослали в Сибирь, а троих отдали вне срока в рекруты.

Так закончились эти военные действия, но еще почти два месяца в Смирных и Степанищевой стояли по две роты солдат Селенгинского полка. Губернатор, что бы хоть как-то наказать самого помещика Киреевского, все расходы на содержание солдат приказал отнести за его счет. Впрочем, и три года спустя после этих событий упрямый помещик не заплатил в казну ни копейки.

А 247960

По ком звонил «КОЛОКОЛ» (Малоархангельский злодей – помещик Мацнев)

Первого декабря 1860 года император Александр II утвердил судебное решение о лишении всех прав и ссылке в Сибирь Михаила Мацнева, владельца имения в селе Столбецкое Малоархангельского уезда Орловской губернии.

Такого рода решения в отношении лиц дворянского сословия принимались царями нечасто.

Что же натворил Михаил Мацнев?

Передо мной – «Дело о предании суду помещика Мацнева» за жестокое обращение с крепостными крестьянами. Дело начато 4 сентября 1856 года, это пухлая папка почти в двести страниц.

Вчитываюсь в официальные, беспристрастные строчки рапортов, донесений, допросов. Постепенно вырисовывается картина более чем полуторавековой давности.

Михаил Николаевич Мацнев вел хозяйство умело, рачительно и сыну своему, тоже Михаилу, умирая, все оставил в полном порядке.

Вступив во владение имением, Михаил Михайлович (4-й – так его называли в официальных дворянских бумагах) Мацнев почувствовал, вероятно, сильное головокружение от свалившихся на него богатства и власти.

Начинал с малого. Проявив недовольство крепостными, Мацнев без промедления отправлял их в рекруты без очереди или добивался наказания и отправки в Сибирь. Уже в 1851 году он пытался так решить вопрос с четырьмя крепостными. Но, к неудовольствию помещика, лишь одного из них, якобы за дерзостные поступки и нетерпимое поведение, ему удалось отдать в рекруты. Из трех остальных один оказался сильно болен, а двое не достигли призывного возраста (13 и 17 лет).

Потом помещик женился, родилась дочь Софья, но остепениться Мацнев так и не смог. Впрочем, масштабов творимых в Столбецком имении злодейств в губернии еще не знали.

Легенды и были земли Покровской

Уверовав в свою безнаказанность и разбив однажды по пьяному делу голову, Мацнев обвинил одного из своих крестьян в том, что тот напал на него и нанес увечье до крови.

Когда по его заявлению в этом стал разбираться приехавший в Столбечкое пристав II стана, то выяснилось, что Михаил Мацнев уронил топор себе на ногу.

Тут к приставу обратились за помощью крепостные и дворовые люди. А Михаил 4-й всячески мешал проведению следствия, не выезжал на вызов Орел, в Депутатское Собрание, не давал обследовать себя врачу.

В события в Столбечком вынужден был вмешаться Орловский гражданский губернатор В. Сафонович. По его распоряжению штаб-офицер корпуса жандармов Орловской губернии Житков произвел следствие о злоупотреблениях помещичьей власти.

Житков вместе с малоархангельским земским исправником (тот уже писал рапорт в Орел о действиях помещика) добились 4 августа 1856 года высылки Мацнева из имения в губернский город.

И с 4 августа в течение двух недель в селе Столбечкое начались опросы крепостных крестьян и других лиц, знакомых с поведением помещика Михаила Мацнева.

15 октября 1856 года гражданскому губернатору Сафоновичу была подана краткая записка о поступках помещика.

Прочитую только часть свидетельских показаний.

«Тимофей Морозов показал: помещик Мацнев постоянно находится в пьяном виде и обходится с крепостными своими людьми бесчеловечно, а в последний год дошел до неистовства: мне выбил зубы, а на руке сломал палец. Вольнонаемную няньку Аксинью также бьет, а барыню Софью Павловну бьет немилосердно. Крестьян разорил и довел их до нищеты штрафами денежными. Скот брал, свиней и все это потом продавал. Приказал мне кучера Андрея Герасимова раздеть до рубашки, потом заставил меня бить его по щекам и драть за волосы».

Кучер Андрей Герасимов подтвердил вышесказанное, сказал, что «в трезвом виде барин бывает только утром

после сна, а в остальное время пьян, и бьет тогда всех, кто на глаза попадется».

Куприян Харитонов, староста помещицы Тарасовой, показал, что когда однажды он вез сено своей барыне, Мацнев заставил его это сено выгрузить в своем имении и выгнал его потом, выдрав на прощание сначала один клок бороды, потом другой («А то один клок нехорошо», – заявил он).

Федор Евсеев, 15 лет, повар на кухне, показал: «Барин пять раз в день меня бил, зубы и челюсти сбил на сторону, и зубы теперь не сходятся. Барин в три дня ведро водки выпивает, а как напьется, собьет с ног – и бьет ногами. От жестокости я бежал в лес, а когда вернулся, то меня камни заставили таскать на дорогу и плотину».

Давыд Тимофеев, 13 лет, показал: «От побоев барина я два дня в лесу скрывался, а на третий, когда от голода вернулся, меня высекли, а теперь третий месяц таскаю камни на дорогу. Барин меня за волосы, за уши, то кулаками, то чем попало бьет».

Аксинья Матвеева Веселова, воспитанница Санкт-Петербургского воспитательного дома, показала: «Барин Мацнев характера буйного и бьет всех, кто ему попадет. Бил и меня по зубам, а однажды с ног сбил, то коленом придавил».

Про избиения, физическое насилие дали показания также Иван Шахурин, Василий Ефимов, Николай Гущин, Егор Скворцов, Алексей Емельянов.

Многие из них показали также, что барин за любую провинность по 5-10 рублей штрафа берет и многих крестьян из-за этого довел до разорения.

Если эти показания штаб-офицер корпуса жандармов майор Житков выслушивал хотя и с негодованием, но все же с некоторым пониманием, то когда начались опросы женщин, он долго не мог прийти в себя от омерзения.

«Дворовая девка Дарья Андреева призналась, что 8 лет назад барин взял ее на барский двор, и она вначале работала прачкой в течение года, а потом в доме работала. «Барин лишил меня девства и до его женитьбы у нас была преступная связь. От него у меня было трое детей, но дети

Легенды и были земли Покровской

умерли до году, потому что они были у моей матери, а барин разрешал кормить их только два раза».

Фекла Пантелеева показала: «Барин лишил меня девства и имел со мной связь год. Ребенок от него родился, но умер он трех месяцев потому, что кормила его раз в день – барин больше не давал».

То же самое показали Авдотья Цуканова, Пелагея Микулина, Меланья Микулина, Татьяна Андрошкина, Анна Васильева, Авдотья Ачueva, с каждой из которых барин имел связь в течение некоторого времени (от года до нескольких лет). Каждую из этих молодых крестьянских девушек барин «лишил девства», как они показывали, по принуждению. И каждая из них подтверждала, что всех их он нещадно бил даже во время беременности.

Авдотья Ачueva показала: «Была я взята на скотный двор на 14-м году, а на 16-м году барин лишил меня девства, и я имею от него ребенка, который и теперь жив. Год с небольшим, как меня сослали в другую деревню, где теперь я живу, с барином своим связи больше не имею. Барин, рассердившись, не знаю за что, на брата, разорил нашу избу, сослал брата в рабочий дом и по возвращении из рабочего дома брат вскоре умер. Мать заставил зимой снег сгребать, а летом камешки бить. Меня барин в пьяном виде часто бивал, вырвал косу».

Ольга Герасимова показала: «Дочь моя Дарья Андреева с малолетства была взята в господский дом, где барин, лишив ее девства, прижил трех детей, которые все померли. После рождения каждого ребенка дочь брали в господский дом недели через три, а ребенок оставался у меня. Дочь приходила кормить два раза в сутки. С другим кем-либо дочь связи не имела».

Итог взаимоотношениям Мацнева с крестьянскими девушками и женщинами как бы подвел при опросе крестьянин Петр Гушин: «Если заметит барин у кого из крестьян красивую дочь, то берет ее на скотный двор и потом лишает девства, а смазливых баб заставляет мыть полы и творит с ними блуд».

Отдельные эпизоды при опросе свидетелей касались жены Михаила Мацнева, Софьи Павловны, и его дочери, тоже Софьи (в момент следствия ей было девять месяцев от рождения).

Аксинья Веселова, няня, в дополнение показала: «Помещик имел намерение выгнать из дому свою жену, но затруднялся тем, что она кормила сама барышню, а потому приказал привести из деревни крестьянскую женщину Александру Андрееву, а чтобы барышня приняла груди новой кормилицы, приказал кормить барышню от полудня до часу ночи.

Когда барышня плакала и тосковала, то барин положил ее на пол, призывая барыню несколько раз и говоря: «Смотри, как ребенок мучается, тебе приятно?» Взять же мне барышню с пола не приказывал.

После трех часов, видя, что барышня совершенно истомилась, позволил мне взять ее с полу, но когда барышня не пошла к барину на руки, то он ударил ее по задней части так, что несколько дней оставалась опухоль и красный знак.

По прибытии женщины Александры барин приказал ей кормить барышню, и когда она не брала груди у нее, то барин закричал: «Если не возьмет груди, я тебя с мужем сошлю в Сибирь!» Но при всем том барышня не брала груди и плакала, вероятно, потому, что Александра была беременна и не имела молока. Когда дитя, истомленное, пришло в бесчувственное состояние почти до обморока, то барин позволил взять ее в спальню, а сам остался с Александрой в кабинете, в котором, пребывши два часа, велел ей идти в девичью, где она и ночевала.

А сам пошел к барыне, схватил ее за ворот рубашки, вытащил в бильярдную, но что с ней делал – не знаю, судя по воплям, вероятно, бил, что очень часто бывало. Сегодня и прежде сего у барыни из перебитой челюсти выступили кости».

Александра Андреева, подтвердив показания няньки Веселовой, показала: «Когда я осталась с бариним в кабинете, то он сотворил со мной грех, после чего я пошла в

девичью и видела, как барин гонялся за барыней, и в бильярдной слышен был крик барыни».

Допрошены были и еще одиннадцать человек, которые также обвиняли своего хозяина в жестоком обращении и разорении.

Жена владельца имения, Софья Павловна, на первом допросе не хотела говорить о муже чего-либо плохого, но затем не выдержала и рассказала все. «За честь мою и моей дочери не могу ручаться, пока буду продолжать жить с моим мужем. Он совершенно безнравственного поведения и бил меня до бесчувствия», – так в кратком изложении выглядят ее показания.

Этого перечня «гнусных злодейств» было достаточно, чтобы наказать Михаила Мацнева. Его, в конце концов, и посадили в тюремный острог, а потом лишили всех прав и сослали в Сибирь, но произошло это лишь четыре года спустя, в 1860 году, когда о «художествах» помещика сообщили царю Александру II.

За эти четыре года имя помещика узнали в соседних губерниях, а слухи и сведения о его злодеяниях дошли до заграницы.

1 декабря 1860 года Александр Иванович Герцен в своей Вольной русской типографии в Лондоне выпустил очередной, 86-й, номер газеты-журнала «Колокол», в котором рассказал о том, как своеобразно российские помещики понимают необходимость отмены крепостного права. Примеры Герцен привел из Орловской губернии, из Малоархангельского уезда (помещики Акатов, Михаил и Владимир Мацневы).

Получилось так, что указ Александра II о лишении дворянства и о ссылке Мацнева в Сибирь и выход из печати «Колокола» со статьей о злодеяниях этого помещика совпали по дате – 1 декабря 1860 года.

Какой злодей Михаил Мацнев, его крестьяне и дворовые знали с начала 50-х годов, в губернском Орле узнали это в 1853 году, а герценовский «Колокол» раззвонил сведения об этом помещике (и других, ему подобных) на всю Россию в 1860-м году.

Михаил Мацнев скончался в ссылке в начале 1875 года, а его имение, находившееся в опеке, вернули наследникам: жене, Софье Павловне, и детям – Софье Михайловне и Михаилу Михайловичу (пятому) Мацневу.

Михаил (пятый) родился 7 ноября 1860 года, за три недели до указа императора о лишении всех прав его отца. самого изверга-родителя сын так и не увидел вплоть до его смерти.

Новый владелец имения в селе Столбецкое, Михаил Михайлович Мацнев, с 90-х годов XIX века и вплоть до революции 1917 года постоянно являлся гласным Малоархангельского уездного земства, с 1897 года он был еще и почетным мировым судьей уезда.

В 1913 году Михаил Мацнев был избран и губернским гласным от Малоархангельского уезда.

Но это уже совсем другая история.

Как помещик Мацнев после своей смерти земляков спас

Зима 1943 года. Части 48-й армии Брянского фронта вели наступление, освобождая от фашистов территорию Покровского района. Отступая под ударами наших войск, гитлеровцы стремились нанести максимальный ущерб населению тех мест, которые они покидали.

В один из февральских дней жители небольшого села Троицкого, надеявшиеся на скорое освобождение от вражеской кабалы, узнали о готовящейся над ними расправе. Сообщил им об этом местный переводчик, хоть и немец, но из числа сердобольных.

Самым надежным местом для сельчан казались подвалы, куда и попрятались вначале жители Троицкого. Но с наступлением темноты фашисты устроили обыски всех домов и подвалов. И тогда бабы, старики и ребятишки, пользуясь начавшейся метелью, перебежали в такое укрытие, о кото-

Легенды и были земли Покровской

ром гитлеровцы даже не подозревали – в большой каменный склеп, находившийся в зарослях сирени у полуразрушенной церкви.

Здесь и застал измученных жителей Троицкого час освобождения. Помещик, живший когда-то в селе и фамилию которого жители давно забыли, сам того не ведая, спас земляков от гитлеровского расстрела.

После войны Троицкую церковь окончательно разобрали на кирпичи (их возили в село Покровское для строительства здания райисполкома). Пытались проделать то же самое и со склепом, даже взрывали его изнутри. Но то ли заряд слабоват оказался, то ли своды этой гробницы были воистину непробиваемыми – склеп остался цел, хотя внутри него после этих мероприятий уже ничего не сохранилось.

Эту историю о спасении жителей села Троицкого рассказал нам один из старожилов – М.М. Гаврюшин. От него же мы узнали и фамилию местного барина. Чуть позже в Государственном архиве Орловской области нам удалось найти подтверждение: да, в Троицком строил церковь здешний помещик Николай Родионович Мацнев.

То, что фамилия троицкого помещика была именно Мацнев, подтвердила находка, сделанная опять-таки с помощью Михаила Михайловича Гаврюшина. Продравшись сквозь густые заросли сирени чуть в стороне от склепа, в десятке метров от него, мы обнаружили хотя и пострадавшую от людских рук, но все же сохранившуюся надгробную плиту. Надпись на ней гласила: «Здесь погребено тело любезнейшей родительницы нашей Елизаветы Васильевой Мацневой. Жития ея было 70 лет, 4 месяца, 21 день. Рождения ея было в 1796-ом году 29 августа. Скончалась в 1867 году 20 января в 2 часа пополудни».

Мацневы принадлежали к дворянской фамилии, хорошо известной в XIX – начале XX века в Кромском, Орловском, Мценском, Малоархангельском уездах Орловской губернии. В фонде Орловского дворянского депутатского собрания ГАОО хранится дело малоархангельского

помещика Н.А. Мацнева, из которого мы сумели узнать подробности родословия этого семейства. Предком Мацневых был Назарий, у которого родился сын Прохор, а у того – сын Софрон. У Софрона Прохоровича Мацнева имелось уже три сына – Родион, Тимофей и Максим, которые и положили начало всем ветвям семейного дерева в четырех уездах Орловской губернии. Родион Софронович стал родоначальником малоархангельских Мацневых. Он с женой Федорой жил в деревне, которая впоследствии получила его имя – Родионовка (она и ныне существует в Покровском районе, хотя сейчас в ней всего лишь один двор).

Сын Родиона Софроновича Мацнева – Николай Родионович и был как раз тем помещиком, который построил церковь в селе Троицком (одно время оно именовалось Мацневским). Кроме этого населенного пункта, Н.Р. Мацневу и его жене Елизавете Васильевне принадлежали деревни Добрый Колодезь, Медвежий Колодезь, Родионовка, Зубково, Васильевское, Карповец.

Когда Елизавета Васильевна Мацнева скончалась, Николай Родионович любимой жене построил вместительную гробницу, в которую сам мог заходить, чтобы навестить ее хотя бы и после смерти. У склепа же установил плиту гранитную с надписью, которую мы цитировали выше. Именно этот Мацневский склеп спас от гибели более четырех десятков жителей Троицкого февральской ночью 1943 года.

Дети Николая Родионовича и Елизаветы Васильевны – Никонор и Василий, унаследовав после смерти родителей их владения, старались хозяйствовать рачительно и экономно. Сын Никонора Мацнева – Леонид – устроил в своем имении Мацневское одну из первых в Малоархангельском уезде общественных библиотек. Другие Мацневы предпочитали заниматься строительством – так, Кузьма Мацнев построил церковь в селе Покровском (теперешний район).

_____ Легенды и были земли Покровской

Мацневы с честью служили царю и Отечеству (Николай Афанасьевич служил в Сенате, получив за заслуги ордена Анны 3-й и Владимира 4-й степени; Михаил Михайлович Мацнев много лет был гласным Малоархангельского уездного земства и мировым судьей уезда, представлял уезд в Орловском дворянском депутатском собрании). Мацневы увлекались новейшими открытиями науки и техники (Иван Михайлович из своего имения в селе Столбецком добрался до Парижа, где летал на воздушном шаре).

Нельзя сказать, что все без исключения Мацневы жили чинно-благородно. О зверствах двух малоархангельских Мацневых – Михаила из Столбецкого и Владимира из села Успенское всему миру рассказал А.И. Герцен в своем «Колоколе» (мы рассказали об этом в предыдущей истории). Но в семье не без урода.

Мы коснулись в своем повествовании только одной Мацневской родовой ветви. А ведь было еще три. На плане города Орла 1842 года имелся Мацневский переулочок (ныне улица Русанова), существовал в губернском центре Дворянский пансионат – приют им. Мацнева. Названы они, с большой долей вероятности, по фамилии проживавших здесь орловских Мацневых.

...Нет сейчас в Орле Мацневского переулочка, нет Дворянского пансионата-приюта, исчезла с карты Покровского района деревня Новомацневка (одна из тех, что принадлежала малоархангельским Мацневым), не сохранились церкви. Но есть старый прочный склеп в селе Троицком, весь заросший сиренью, есть надгробная плита в память о «любезнейшей родительнице» Е.В. Мацневой, живы еще люди, спасшиеся в феврале 1943 года в мацневской гробнице, есть, наконец, просто человеческая память о помещиках Мацневых, и рассказ наш – этому подтверждение.

Рассказ о помещиках Мухортовых и их имении

На окраине села Федоровки, недалеко от почтового тракта на уездный город Малоархангельск и лицом по направлению к нему стоял в 60-е годы XIX века трехэтажный дом, к которому вела широкая, мощенная камнем дорога, начинавшаяся в полукилометре от усадьбы. Вечерами на высоких столбах, окаймлявших этот парадный подъезд к зданию, загорались возвращающиеся разноцветные фонари, свет которых казался в крошечной темноте чем-то потусторонним и неземным.

Рачительный хозяин

Неподалеку от дома располагались так называемые «круги» – искусственные острова, каждый размером с полудесятину, где для гостей обычно накрывали чайные столы. Особо почетным посетителям имения хозяин предлагал на карете, запряженной парой лошадей, подняться на длинный, протянувшийся по периметру второго этажа балкон, чтобы полюбоваться на усадьбу с высоты. Оттуда, сверху, владения одного из богатейших помещиков Малоархангельского уезда Захара Мухортова еще более впечатляли. И если очередной гость открыто и откровенно выражал свое восхищение от увиденного, то хозяин, в знак признательности и уважения, вел его в свою конюшню или на псарню (в зависимости от пристрастия гостя), где было что посмотреть.

Конный завод гофмейстера двора его императорского величества, действительного статского советника Захара Мухортова знали не только в уезде, но и во всей Орловской губернии. Его рысаки постоянно участвовали в бегах, проводившихся на Орловском ипподроме, и неоднократно завое-

Легенды и были земли Покровской

ывали там призы. Захар Николаевич и сам установил приз в 120 рублей серебром для рысистых кобыл-четырёхлеток. Жеребцы и кобылы узнавали хозяина издали, приветствуя его уже на подходе к конюшне бархатистым ржанием.

Как истинный лошажник, любил помещик псовую охоту и в соседней деревне, принадлежавшей ему, содержал псарню с более чем тремястами борзыми. Впрочем, и простой ружейной охотой Мухортов не брезговал. Правда, в отличие от многих чванливых соседей, транжиривших доставшиеся от отцов богатства, Захар Николаевич был рачительным и умелым помещиком, успешно использовал новые достижения современной науки. Его хороший знакомый Иван Тургенев считал, что лучшего хозяина в Малоархангельском уезде, чем Мухортов, просто нет.

Впрочем, именно эта хозяйственность заставила Захара Николаевича отказаться от предложения, которое сделал ему однажды писатель: взять в аренду (или купить, в конце концов) принадлежавшее Тургеневу имение Топки (оно находилось в 12 верстах от мухортовской Федоровки). Экономист Мухортов посчитал это предложение невыгодным. Правда, на хороших отношениях его с писателем это никак не сказалось.

Красавица-жена и три сына

Увлеченность делами (Захар Николаевич удачно строил придворную карьеру и занимался хозяйством) приводила к тому, что на женщин Мухортов обращал внимание, в основном, в промежутках между этими делами, но нашлась однажды та, которая заставила его забыть на время все занятия и увлечения, кроме одного. Помещик полюбил пылко, крепко, сразу и на всю оставшуюся жизнь. А шел ему в ту пору 36-ой год.

Александра Николаевна Юханцева была моложе Мухортова, хороша собой, за ней ухаживали многие, но она

отдала предпочтение Захару Николаевичу. Для молодой и любимой жены (их свадьба состоялась в ноябре 1854 года) решил Мухортов построить новый дом в своем имении. На это ушло несколько лет, и появилось, наконец, в Федоровке то чудесное сооружение, которое описано в начале нашего рассказа.

Строительство дома и усадьбы было в самом разгаре, когда ровно год спустя после венчания родился у молодых первенец – Николай. Но счастье родителей оказалось недолгим: сын через три месяца умер. Александра Николаевна впала в тяжелейшую хандру, отказывалась даже от еды, и Захару Николаевичу пришлось использовать все мыслимые и немыслимые средства, чтобы вывести жену из этого состояния. Ожила она немного лишь после лечения на зарубежных курортах.

Но былые счастливые дни вернулись к Мухортовым лишь спустя пять лет – в августе 1860 года родился у них снова сын, которого Александра Николаевна, окончательно повеселевшая, решила назвать опять-таки Николаем. Захар Николаевич заикнулся было, что, по старым приметам, использовать для родившегося младенца имя умершего до него старшего брата нельзя, но после укора жены: «Как, Захар, ты веришь во все эти предрассудки?» – он согласился с ее предложением (тем более, что имя Николай носил его отец).

Рождение сына почти совпало с завершением строительства нового дома (Мухортовы въехали в него осенью 1860 года). Так что будущий вице-президент Вольного экономического общества в тот год, видя, наконец, полностью счастливую жену, и себя чувствовал на седьмом небе от счастья (хотя временами тревожная мысль об имени посещала Захара Николаевича: «Зря все же согласился на Николая»).

Однако в последние годы, когда один за другим родились у Мухортова еще два сына – Захар и Георгий, тревога покинула наконец-то его, и он, как и в прежние времена, стра-

стно отдался хозяйству. Десять тысяч десятинов земли в трех губерниях России требовали внимания не меньшего, чем жена и дети, которым Захар Николаевич хотел обеспечить надежное будущее. Как человек, привыкший все в хозяйстве планировать, он и в судьбе детей своих постарался расставить акценты заранее: Николая решил на военную службу направить, Георгия готовил к руководству имением, а Захару, среднему, повезло самому сделать выбор в карьеру.

Полоса несчастий

Помещичья идиллия длилась несколько лет. А потом вдруг в одночасье скончался младший сын Георгий – от так и не выявленной врачами болезни. Тут захандрил уже сам Захар Николаевич. А 25 марта 1876 года в Санкт-Петербурге вице-президент Вольного экономического общества Мухортов, заболевший водяной болезнью, умер, так и не успев полностью подготовить детей к тому, о чем мечтал.

Отпели 56-летнего действительного тайного советника, при большом стечении народа, в одной из церквей Санкт-Петербурга, но хоронить покойного, согласно завещания, привезли в дорогую его сердцу Федоровку. На похороны любимого и уважаемого барина сошлись бывшие крепостные и дворовые, съехались все соседи-помещики из окрестных имений, из уездного Малоархангельска и губернского Орла.

По разрешению консистории во Владимирской церкви, слева от входа, был вскрыт пол, и тело Захара Николаевича Мухортова бережно и осторожно опустили в эту внутрихрамовую могилу. Над ней, как в Московском Успенском соборе над захоронениями великих князей и царей, установили надгробную плиту с надписью: «Действительный тайный советник Захар Николаевич Мухортов». Рыдала, уже совсем без слов, Александра Николаевна, а рядом глотали слезы 16-летний Николай

и 14-летний Захар, до совершеннолетия которых отец так и не дожил.

Старший, Николай Мухортов, через год уехал в Санкт-Петербург, где, окончив курс в университете, вступил-таки в 1882 году юнкером в кавалергардский полк, положив начало предназначтанной ему отцом военной карьере. А через 13 лет, ротмистром с правом ношения мундира, он был уволен со службы и вернулся к гражданской жизни.

Имение Федоровка, которое, по завещанию, нераздельно принадлежало обоим братьям, управлял в это время Захар Захарович. Управлял так «умело», что именно это вынудило старшего брата покончить с военной карьерой в интересах спасения семейного владения. Захар Мухортов, так и не успевший получить от отца основ экономических знаний, умудрился за несколько лет промотать многое из того, что десятилетиями усердно наживал его прижимистый отец. Захирел конный завод, лучшие рысаки с которого были проданы или обменены на борзых собак.

Захар задолжал кучу денег соседям-помещикам, и вернувшийся в Федоровку Николай увидел вскоре, чем с утра до вечера занимался его младшенький: то гоняет по полям с борзыми за лисами и зайцами, то ходит по ярмарочной площади, раздавая затрещины всем желающим (за оплату в полтинник), то предлагает крестьянам за рубль-другой поймать юркого поросенка с намыленными ногами и холкой. И так без перерывов на серьезные хозяйские дела.

Имение ушло с торгов

Почти три года бился Николай Захарович за то, чтобы сохранить на плаву основательно разваленное братом имение, но решить проблему так и не смог. В 1897 году с торгов, произведенных советом особого отдела государ-

_____ Легенды и были земли Покровской

ственного Земельного банка, все Федоровское имение Мухортовых, в количестве более 1000 десятин, перешло к полковнику Георгию Рауху, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам.

Этого удара Николай Мухортов, всю жизнь молившийся на своего отца-хозяйственника, уже не перенес. Его организм, и без этого ослабленный затяжной болезнью почек, перестал сопротивляться: 8 марта 1898 года второй из Николаев, так и не женившись в свои 38 лет, умер холостым и бездетным. Похоронили его неподалеку от входа во Владимирскую церковь, поближе к отцу.

О последних днях Захара Захаровича нам ничего не известно. А фамилия Мухортовых из числа землевладельцев Федоровской волости после этих событий исчезла навсегда.

P.S. Давным-давно нет их усадьбы и дома. Владимирскую церковь села Федоровки тоже полностью разрушили и стерли с лица земли (вместе со старинным кладбищем) в 30-40 годы XX века. На месте Мухортовских могил располагается теперь территория Федоровской средней школы.

Единственное, что напоминает сейчас о некогда известнейшем в Орловской губернии дворянском роде, это название вымирающего села, расположенного в 12 километрах от Федоровки. Называется оно Мухортово и принадлежало когда-то семейству, о котором мы рассказали.

Барышня-крестьянка и рыцарь-помещик, или Как любили в старину

Может быть, давно, а может, и не очень – лет сто тому назад жил в селе Смирные Малоархангельского уезда один помещик. Звали его Николай Киреевский, и принадлежал он к известному в Орловской губернии дворянскому роду – тому самому, из которого были знаменитые братья-славянофилы Петр Васильевич и Николай Васильевич.

Отца у этого Николая звали Алексей, и оставил он сыну, в общем-то, небольшое, но крепкое хозяйство – 200 десятин земли и аккуратный, красивый, как игрушка, двухэтажный домик, стоявший на берегу построенного им же пруда.

Отставная жизнь

Военная жизнь Николаю Алексеевичу Киреевскому никогда не нравилась, но и гражданская как-то не пошла, и потому он крепко осел в своем имении Орловка, занялся его укреплением и украшением.

Прежде всего, Киреевский прочистил и расширил пруд, созданный его почтенным родителем. Протекавший здесь ручей, с иностранным именем Невада, нес воду чистую, как слеза, и в пруде вода этой чистоты не теряла. Рыба, которую запустил в пруд помещик, была обычная – карп и карась, но в кристально чистой водной массе красный карась и зеркальный карп казались сказочными, когда на утренней или вечерней зорьке начинали свои рыбки игры.

А однажды смирновские крестьяне, проходя мимо пруда, увидели в воде чудо, невиданное в этих местах, – пару чер-

Легенды и были земли Покровской

ных лебедей, грациозно проплывавших около плотины. Как потом в селе рассказывали, помещик этих ручных лебедей откуда-то издалека привез, заплатив за них большие деньги.

Любил Николай Алексеевич стоять у берега пруда и, бросая в воду кусочки белого хлеба, наблюдать, как не спеша, с достоинством подбирают его лебеди. Завел себе Киреевский и небольшую лодку, на которой регулярно совершал прогулки по своему водному богатству (часто с парой удочек).

Алексей Александрович, его отец, заложил было регулярный парк (по английскому образцу) на той же стороне, где стоял усадебный дом, но до конца дела не довел – умер.

Сын продолжил и это, высадив несколько сот разнообразных деревьев. Они составили три 200-метровых аллеи, выходявшие к дому. Самая нижняя из аллей шла параллельно ручью, впадавшему в помещичий пруд. Уже через несколько лет «аглицкий парк», как называли его здешние крестьяне, стал вторым (после пруда) местным украшением, появились в нем и грибы (с ягодами крестьяне были знакомы и так).

Четвертый десяток уже шел Николаю Алексеевичу, а хозяйки имения у него все не было. Ни одна из соседских помещичьих невест, как ни пытались они привлечь внимание непьющего, некурящего, хозяйственного Киреевского, не сумела покорить его сердце.

Прекрасная незнакомка

И вот однажды... шел Николай Алексеевич от дома к пруду, на свое любимое место, искупаться перед сном на вечерней зорьке решил. Подходя к берегу, услышал вдруг плеск и энергичные шлепки по воде.

Разозлился помещик – кто это здесь, на его месте, развлекается? (Вообще-то, как я уже сказал, он был добрым человеком и разрешал в пруду своем купаться крестьянам села Смирные. Крестьянские дети с удочками иной раз

тоже сживали на берегу – Киреевский не прогонял их). Но тут другое дело: место для купания было оборудовано по указанию помещика так, что подход к нему шел удобный, а потом сходни дощатые спускались прямо в воду – Николай Алексеевич частенько нырял с них.

Киреевский отодвинул рукой кусты и хотел было уже закричать, прогнав незваного купальщика, да так и замерла его рука, а приоткрытый рот не издал ни звука.

Спиной к нему на его помосте сидела девушка и, свесив длинные волосы влево, к воде, чем-то их мыла. Уходящее за горизонт красное солнце осветило ее тело, и помещик чуть не вскрикнул от восхищения, а когда она встала и повернулась вполборота к берегу, Киреевский увидел ее лицо, плечи, грудь – и пропал!

Задыхаясь от восторга, он осторожно отпустил куст и услышал, как девушка бросилась в воду и поплыла – вразмашку, быстро, к противоположному берегу.

Николай Алексеевич понял, что она из ближнего села Смирные. Пару раз после этого он, как вор, наблюдал за нею из-за кустов, когда она приплывала сюда, но никак и ничем не выдавал своего присутствия.

Потом он узнал, что его купальщица не девушка вовсе, а крестьянская жена Ольга Ловчикова и у нее двое детей (хотя и лет-то ей всего двадцать).

Известие об этом душевный жар Киреевского не затушило, а лишь усилило. Спустя неделю, чуть не напугав Ольгу до смерти и дав ей возможность одеться, Николай Алексеевич познакомился с чужой женой.

Обольщать помещик умел – данные у него для этого были как внешние, так и внутренние, недаром соседские помещичьи дочери мечтали о том, когда же он кого-то из них выберет в качестве хозяйки имения Орловка.

И вот, наконец-то, Киреевский нашел свою избранницу – такую, что уже через месяц о его романе узнали в уездном Малоархангельске. Узнали и осудили, пробовали уговорить отказаться, стыдили. Безрезультатно.

Легенды и были земли Покровской

Но если у Николая Алексеевича страдания были только моральные, то Ольгу муж несколько раз бил смертным боем. Но, вышедшая замуж по указке родителей, здесь она слушала только свое сердце, и поэтому, с синяками и шишками, бежала к пруду, где ее уже ждал любимый барин Николай Алексеевич.

Сделка

Однако и Киреевский просто путаться с чужой женой не собирался. Однажды он явился к Ольгиному мужу и предложил ему сделку – если он договорится в церкви и крестьянину Ловчикову разрешат развод, он, взяв в жены Ольгу Григорьевну, позаботится и о его детях, а мужу - в качестве компенсации – подарит десять десятин земли.

Сделка состоялась, хотя и не сразу. Три года ушло у Николая Киреевского на поездки в Орел и Малоархангельск. Он сумел убедить всех, что Ольга Григорьевна – это его жизнь, много раз замаливал свой грех прелюбодеяния, стоя на коленях. Но, в конце концов, в Успенской церкви села Смирные в присутствии всех местных крестьян Киреевский обвенчался со своей любимой.

Двух детей Ольги Григорьевны Николай Алексеевич воспитывал как своих, а от большой любви родился у них вскоре общий сын, Георгий.

Георгий вырос, женился и уехал куда-то в столицу. Хозяйкой имения Орловка стала после смерти мужа Ольга Григорьевна. К своим смирновским соседям, став барыней, она относилась, как и муж, по-доброму. Потому крестьяне ее уважали и любили.

Николай Алексеевич Киреевский скончался в 1907 году, и 10 лет – до революции – хозяйство вела его жена. Часть земель, испытывая финансовые затруднения, она продала во время первой мировой войны, сама же после революции куда-то уехала (может быть, к сыну). Следы

Ольги Киреевской затерялись в бурные годы революции и гражданской войны.

Когда хозяева помещичьего дома уехали, некоторое время в нем была трудовая коммуна из пришлых людей, руководил которыми Семен Бондарев из соседней Новой Слободки. В конце 20-х годов, когда коммуна прекратила свое существование, в имение переселилось несколько семей из деревни Непочатой, где не хватало свободных земель.

Жить сообща переселившиеся не захотели, и потому для постройки своих жилищ они разобрали двухэтажный дом Киреевских да вырубил часть деревьев в парке – так возник на месте имения Орловка населенный пункт с тем же названием. В 1932 году в нем уже проживали 165 жителей.

Через 100 лет

Сейчас в Орловке в восьми домах 12 жителей, все пенсионеры. Отец одного из них – Кима Ивановича Заикина – был как раз в числе тех, кто переселялся из Непочатой сюда, в Орловку. А дом Заикина и до сих пор держится на тех, столетней давности, бревнах из имения помещика Киреевского.

Сохранилась часть парка, аллеи которого подзаросли, но все-таки, если знать, где идти (а Ким Иванович Заикин, проживший здесь всю жизнь, знает – он-то и показал нам аллеи), они хорошо просматриваются. На месте помещичьего дома – только яма от фундамента, зато сохранился барский колодец с вкуснейшей питьевой водой (неподалеку от колодца и произошла встреча Николая Киреевского с Ольгой Ловчиковой). Этой водой пользуются жители Орловки и приезжающие сюда на отдых покровчане.

Всю же историю любви помещика к крестьянке рассказала мне старейшая жительница Орловки, к сожалению, уже умершая, Матрена Павловна Гривцева.

_____ Легенды и были земли Покровской

Многое в жизни она повидала и испытала. Когда началась война и муж ушел на фронт, осталась Матрена одна с малолетними детьми. Немцы оккупировали деревню, где она жила тогда, выгнали ее из дома – пришлось скитаться по подвалам. А во время освобождения сгорел дом (немцы сожгли его при отступлении), и несколько месяцев, не имея крыши над головой, ночевала Матрена Павловна в подвалах или просто под телегой, вместе со своими детьми.

Потом был тяжелый труд – копала, носила, косила. Только наладилась жизнь – дети выросли и разъехались, умер муж.

Нелегкую и длинную жизнь прожила Матрена Павловна Гревцева. И светлым пятном в памяти 85-летней старушки навсегда осталась история любви помещика и крестьянки.

Рассказывала Матрена Петровна – лицо светилось, а подробности такие вспоминала, будто вчера все видела.

Имена помещика и жены его – крестьянки - подлинные, проверял я потом и удивлялся. Такая вот история любви, похожей на сон.

P.S. А Смирновский пруд сейчас – одно из любимых мест отдыха жителей Покровского района. Но приезжающие на его берега даже и не догадываются, какая романтическая история произошла здесь 100 лет назад.

И зазвучал вновь колокол

Эту почти мистическую историю, события в которой оказались растянуты во времени более чем на сто лет, рассказал мне пенсионер, ветеран труда из деревни Кромской Покровского района Леонид Терентьевич Гусев.

Вымирающая деревня, состоящая сейчас из девяти разбросанных далеко друг от друга домиков, называлась вначале Дворы Старые, а чуть позже у нее появилось другое имя – Кромская. Рядом с Кромской расположился еще один населенный пункт – Никольская. До начала 30-х годов XIX века эта была большая и зажиточная крестьянская деревня, в которой, по мнению местных мужиков, имелось почти все необходимое для нормальной жизни: хорошие земли, мельница, кузня.

И собрали тогда никольские мужики сход, пригласив на него жителей соседних деревень. Сход решил, что церковь нужна обязательно. Епархия дала разрешение, собрали средства для начала строительства, но возникла проблема с местом для церкви. Самое удобное, красивое и возвышенное место было в деревне Кромской. Никольские мужики согласились, но в просторечии храм все-таки называли никольским, а не кромским.

Неизвестный архитектор спроектировал замечательный, буквально парящий в воздухе храм, получивший первоначальное имя Архангела Михаила. Когда строительство церкви близилось к завершению, сход мирян решил, что для такой красоты обычного креста на купол будет недостаточно. Тогда в Киев отправили десять самых надежных и уважаемых мужиков, чтобы принести оттуда освященный крест для вновьявленного храма. Одним из десяти оказался прадед нашего рассказчика.

Легенды и были земли Покровской

Подробности этого путешествия-паломничества скрылись за завесой времени, но известно, что тяжелый металлический крест никольские и кромские бородачи, постоянно меняясь, доставили к уже построенной церкви почти через год. Никому не доверяя, водрузили святыню на купол.

Когда храм освятили и приглашенный из Малоархангельска звонарь в первый раз ударил в новый колокол, все собравшиеся упали на колени и закрестились истово, с поклонами. Звон колокола Никольской церкви в тихую погоду слышен был за пятнадцать верст.

С батюшками новому храму везло с самого начала – настоящие ревнители веры Христовой служили в Михайло-Архангельской церкви, готовые всегда прийти на помощь прихожанам. Побывать в Никольской церкви, крест на куполе которой из самой Киево-Печерской лавры, стремились прихожане других храмов уезда и даже губернии.

В конце XIX века церковь перестраивали, но знаменитый крест оставили на новом куполе. И храм стал называться Крестовоздвиженским. Приход у храма был большой, имелось в нем два притча: два батюшки, сменяя друг друга, службу вели. В 20-е годы прошлого века веру в Бога у местных жителей поддерживали отец Леонид и отец Иван.

При Советской власти в первые послереволюционные годы Крестовоздвиженский храм действовал, как и до революции: так же несли сюда младенцев для крещения, так же венчались молодые пары и отпевали умерших. В начале 30-х годов, когда Советская власть развернула решительное наступление на остатки капитализма в стране, началась коллективизация в сельской местности, и стали повсеместно закрывать церкви.

В 1932 году отец Леонид и отец Иван крестили последних младенцев (среди них был и наш рассказчик). К концу того же года начались гонения на церковь, и оба батюшки, предчувствуя аресты, спешно уехали из Никольского. После этого следы священнослужителей затерялись где-

то в больших городах, хотя слухи изредка доходили (по одному из них – отца Леонида расстреляли во время Великой Отечественной войны).

Без батюшек и прихожан церковь осиротела и некоторое время стояла закрытой. Ее судьбу predetermined, пользуясь покровительством начальства, председатель местного колхоза имени Ворошилова. На заседании правления было решено построить колхозную конюшню. Когда строительных материалов найти не удалось, председатель приказал разобрать церковь. Приказ вызвал волнение среди местных жителей, и они отказались крушить храм. Председатель долго уговаривал, убеждал и угрожал мужикам, пока не нашел первых добровольцев.

Одним из храбрых оказался родной дядя нашего рассказчика, Иван Афонин. Он взобрался на купол и несколько часов усердно трудился, выковыривая и выпиливая крест из гнезда, в которое сто лет тому назад поставил этот крест его родной дед. Пару раз Иван едва не сорвался, но, пересиливая себя, все же сумел расшатать крест, потом привязал к нему длинную толстую веревку. Десяток стоявших внизу крепких мужиков дергали крест до тех пор, пока он не упал на землю, издав странный болезненный звук, от которого вздрогнули и закрестились испуганные мужики.

Председатель колхоза приказал сбросить колокола, а потом разобрать кровлю. Когда дошла очередь до церковных стен, выяснилось, что кирпичи – главное, для чего разбирали храм – взять почти невозможно. Только отдельные из них удавалось отделить друг от друга, да и то ценой немислимых усилий. Большинство же спрессовалось намертво, поэтому приходилось крушить стены, превращая кирпичную массу в щебенку.

Сброшенные колокола и освященный в Киеве крест погрузили на телеги и отвезли в Малоархангельск. По пути с одной из подвод пропал колокол. Лишь перед самой войной обнаружили его в соседней деревне, где до 80-

_____ Легенды и были земли Покровской

х годов колокол висел на большой раките – местные жители использовали его как пожарный.

Иван Афонин, который начал крушить Крестовоздвиженский храм, уехал в Сибирь. Долго о нем никто ничего не слышал, но в 1953 году он приехал в родные места. Во время Великой Отечественной Иван воевал, пока не был тяжело ранен. Своему племяннику Леониду Гусеву он сказал: «Вот, племяш, видишь, ногу в госпитале отрезали. Думаю, что это наказание Божие за грехи мои. Молод был, глуп».

Обломки, битый кирпич Никольского храма в послевоенные годы использовали при заливке фундамента Кромской школы, которую построили в пятидесяти метрах от разрушенной церкви. Школа эта полностью сгорела в 1988 году. Через восемь лет перестроенная школа сгорела еще раз. Пожар уничтожил Никольский медпункт, в двух семьях живьем сгорели дети. Кто-то скажет: случайность. Кто-то подумает: кара Божья!

P.S. До революции на территории Покровского района действовало 22 храма: 19 из них стерты с лица земли, три полуразрушены и бездействуют. Но недавно, 18 октября 2005 года, наконец-то, после долгого перерыва открылся в поселке Покровское новый храм – Покрова Пресвятой Богородицы, зазвучали после 70-летнего молчания колокола. А единственный старинный и чудом уцелевший колокол из Никольской церкви хранится в настоящее время в музее поселка Покровское.

Село на Пафнутцевом шляхе

Почти у самого истока реки Сосны, которая, согласно «Книге Большого Чертежа» от 1627 года, вытекает «из тоеж гряды, что и река Ока – из-под Пахнутцовы дороги», находится одно из самых больших сел Покровского района – Верхососенье. С примыкающими к нему деревнями (а фактически это один большой населенный пункт) здесь, на 1 января 2007 года, проживало 519 человек.

Река Сосна, в XVI-XVII веках – пограничная река Московского государства – протекает в юго-западной части нашего района, уходя затем на территорию Малоархангельского, Колпнянского и Ливенского районов.

До конца XVI века жителей в этих местах почти не было: слишком часто из южных мест набегали сюда татары, предпочитавшие не форсировать крупных водных преград, а потому прокладывавшие свои пути по междуречьям. Один их таких шляхов – Пафнутцев (Пахнутцов), как раз проходил в верховьях реки Сосны. Но уже в самом начале XVII века появляются в здешних краях постоянные жители, возникает в начале деревня, а потом село Верхососенье (т.е. Верховье Сосны).

Населенный пункт с момента основания был казенным и владельческим. А первыми поселенцами деревни Верхососенье (по сведениям Переписной книги Ливенского уезда от 1646 года) были 19 однодворцев: Махов, Косьянов, Протасов, Харитонов, Комарин, Тучковы, Легостаев, Дубинин, Шетинин, Воскобоев, Лунин, Боженков, Калинин, Золотухин, Гречишкин, Дубенцов, Теряев, Леонов. Среди этих девятнадцати фамилий есть и такие, что до сих пор широко распространены в селе. Без всяких сомнений, это потомки первых однодворцев (например, Золотухины, Тучковы, Комардины (Комарины)).

После постройки в Верхососенье церкви Богоявления Господня оно превращается в село, а к середине XVIII века нам известны уже многие помещики-землевладельцы в селе и его окрестностях: Казины, Некрасовы, Кривцовы, Рябых (Рябые) и другие.

Легенды и были земли Покровской

К середине XIX века (к 1866 году), согласно «Списку населенных мест Орловской губернии» (СПб, 1871 г.), в казенном и владельческом Верхососенье проживало 3502 человека – больше, чем в уездном г. Малоархангельске, имелись православная церковь, училище, расправа сельская, волостное управление, 35 ветряных и водяных мельниц, 3 маслобойни.

С появлением в Малоархангельском уезде волостей центром одной из них становится как раз Верхососенье, потом на короткое время центр волости перемещается в село Смирные.

К 1880 году в селе имеются уже две постоянных лавки и действуют два торжка.

Накануне коллективизации, в 1926 году, село Верхососенье, где проживали, в основном, зажиточные мужики, достигло своего максимального расцвета. Здесь насчитывалось 735 дворов и 3745 жителей. Действовали две школы 1 ступени, 5 торговых заведений, почта, народный суд (волостной), и имелось даже два сельских совета – Верхососенский I и Верхососенский II. Верхососенская же волость в 1926 году была одной из крупнейших в Малоархангельском уезде, здесь проживало 13,5 тысячи человек.

Период НЭПа вселил в верхососенских мужиков веру в жизнеспособность частной инициативы, которая тут проявилась особенно ярко. Поэтому, когда началась коллективизация, в Верхней Сосне ее просто не приняли, и до 1930 года в колхоз спешить никто не собирался. Местные середняки и кулаки рассчитывали на свои силы, а не на колхозы.

И тогда с конца 1930 года в Верхососенье, как и во многих других населенных пунктах края, начался насильственный сгон крестьян в коллективные хозяйства. В ответ на это весной 1931 года в Верхососенье случилось то, что в официальных документах получило название, как «майское верхососенское восстание».

Местные жители, даже под силовым нажимом, в колхозы не пошли. Власти Дросковского района, при поддержке и помощи соседей, прислали в село вооруженные части (милицию и конницу). К вечеру 26 мая лично начальник Дросковской милиции и его заместитель, получив санкцию про-

курора и в его присутствии, возглавили эту беспримерную операцию. Вот как это было (по воспоминаниям Ефима Матвеевича Бухтиярова, одного из участников подавления восстания, «Сельская правда», 1 июля 1967 года): «Аресты наметили произвести в два часа ночи. Для этого создали несколько групп. Внукову М.Д., Воскресенскому М.А., участковому инспектору Федину В.Ф. и местному коммунисту Я. Герасимову поручили арестовать кулака Павлова.

При аресте Павлов поднял такой шум, что сбежались все соседи. Кто-то из односельчан вскочил на лошадь и во весь опор погнал ее к местной церкви. Вскоре раздался набат, который обычно звучал в селе при стихийных бедствиях да перед богослужением.

Моментально всполошилось все село. Словно растревоженный улей, толпа людей двинулась на представителей Советской власти. Пришлось отступить. После того, как перешли речку Сосну, председатель сельпо Егор Антонович Гостев, будучи нездоровым, пытался уговорами остановить своих преследователей. Эсер А.Т. Павлов (откуда в 1931 г. взялись в селе эсеры – непонятно – А.П.) ударил Гостева тяжелым предметом, кто-то выстрелил из обрезка, а еще чья-то злодейская рука проколола активиста вилами...

На рассвете кулаки принялись растаскивать имущество колхоза, разгромили маслозавод. Кулаки и эсеры буйствовали весь день. Вскоре приехали работники Малоархангельской, Ливенской, Колпнянской, Дросковской милиции (четыре соседних района прислали свои силы, чтобы навести порядок в селе. Видно, и на самом деле события вызвали большой переполюх – А.П.).

Отряды начали арестовывать зачинщиков. Но снова собрался народ, который потребовал освободить арестованных. Пришлось пойти на уступку. Прибывшие в село работники обкома партии вынуждены были пойти на крайность. Из Воронежа (центр ЦЧО, куда входил и Дросковский район) они вызвали эскадрон кавалерии Красной Армии во главе с Иноземцевым».

В селе состоялся митинг, на котором выступавшие верхососенцы требовали оставить их в покое, а также отменить налоги.

Легенды и были земли Покровской

На следующий день (28 мая) всех кавалеристов расставили по селу, и начались массовые аресты. В число зачинщиков и подстрекателей попало более ста человек. А.Т. Павлову вместе с семьей удалось бежать, но в 1938 году он был арестован в Ленинграде, а чуть позже решением выездного областного суда, который состоялся в селе Дросково, его приговорили к расстрелу. (Правда, в орловском отделении ФСБ информации об этом нет – А.П.).

Все арестованные участники «майского восстания» были приговорены к различным срокам заключения.

В основном, из-за майских событий 1931 года село Верхососенье оказалось самым пострадавшим от репрессий населенным пунктом Покровского района (более 100 человек из 730 всего по району). Шестеро из них были расстреляны. Раскулачивание верхососенцев вообще шло беспощадно. Может быть, это и было основной причиной их массового недовольства.

Головин Афанасий Петрович до революции 1917 года имел 40 гектаров земли, 3 лошади, 3 коровы, 40 овец, а в период с 1917 по 1929 годы – 12 гектаров земли, которую обрабатывал силами своей семьи (жена, сестра, шестеро детей). К 1930 году он стал членом колхоза с приусадебным наделом в 0,5 га земли, а все имущество – землю, бороны, плуги, лошадей, коров сдал в колхоз. После начала массового раскулачивания с его семьей и с ним самим произошло то же самое, что и с другими зажиточными крестьянами – арест, высылка, конфискация, хотя и отбирать-то у них было уже нечего.

После расправы над верхососенцами в мае 1931 года в селе прошла сплошная коллективизация. Недовольных больше не было, началась колхозная жизнь. В одном селе существовало сразу несколько колхозов («Победа», им. Д. Бедного, им. Буденного, им. Ильича). В 1959 году все верхососенцы оказались в составе самого крупного хозяйства Дросковского района – колхоза им. Жданова. Во второй половине 80-х годов в Верхней Сосне возник самостоятельный колхоз – им. 27 съезда КПСС, преобразованный потом в коллективное предприятие «Сосна». Но это – уже современная история большого села, и о ней наш рассказ – в следующий раз.

О Никодиме Верхососенском, чудотворце и целителе

В тот августовский день жительница села Верхососенья Елена Ильинична Пашкова вместе со своей внучкой – школьницей пасли коров на заливном лугу. Трава здесь, в долине реки Сосны, уродилась сочная, чему способствовали обильные грозовые дожди и постоянное тепло.

Весь день «парило», и часам к трем пополудни в воздухе нависла душная тишина, прерывавшаяся вскоре дальним громыханием. Еще через несколько минут шквалистый ветер начал гнать с запада огромную, угольно – черную тучу, изрыгавшую молнии из своего чрева через каждые две-три минуты.

Туча быстро приближалась к Верхососенью как раз в том месте, где пасли скот бабушка с внучкой. Километрах в трех от них две длиннющие стреловидные молнии ударили в какое-то возвышение посреди поля.

«Бабушка, бабушка, мне страшно!» – прибежала к Елене Ильиничне внучка. «Вдруг они нас убьют?» – испуганно спрашивала девочка.

Елене Ильиничне, обычно не боявшейся гроз и молний, передался страх внучки – страх за нее, за себя, за коров (вдруг действительно молния в них ударит?).

Особенно не соображая и не задумываясь, старушка стала быстро креститься и шептать слова какой-то молитвы, повторяя отчетливо: «Никодимушка, спаси нас и сохрани, Никодимушка, спаси и сохрани! Отгони тучу от нас, отгони тучу от нас!».

И вскоре произошло то, что потом Елена Ильинична посчитала чудом. Шквальный ветер вдруг стих на какое-то время, а потом подул с удвоенной силой – но уже в обратную сторону, и огненная туча-колесница, все так же громяхая, унеслась куда-то к далекому горизонту.

Легенды и были земли Покровской

Коровы, уже сбившиеся было испуганно в тесную кучу, разошлись по своим, облюбованным травным местам. Успокоилась и перестала дрожать внучка, и только Елена Ильинична никак не могла опомниться: ведь это святой Никодим Верхососенский спас их от этого черного страшилища, тот самый Никодим, о котором рассказывали еще маленькой Лене ее мать и бабушка.

Никодим. Начало жизни

И вот, спустя почти 70 лет вспомнила вдруг Елена Ильинична Пашкова об этом святом монахе, которого в Верхней Сосне в начале 20 века знали многие. Знали, уважали и обращались за сочувствием и помощью.

Он жил один в добротном, красно – кирпичевом доме, доставшемся ему по наследству от отца, на самом краю села, на возвышении, с которого лучше всего была видна Богоявленская церковь Верхососенья.

Мирскими делами Никодим не занимался, он был монахом, и даже не просто монахом, а схимонахом, т.е. принявшим высшую степень монашества.

Никто в селе не знал, что повлияло на его выбор, но многие были уверены, что скорее всего, этому способствовало несчастье, случившееся с Никодимом в 4ех летнем возрасте. Он тогда сильно испугался взбесившийся во дворе лошади и от нервного потрясения ослеп. А вскоре, один за другим, поумирали многие его родственники.

Именно тогда ушел Никодим из села – ушел один, не смотря на слепоту, а вернулся уже через несколько лет в монашеской одежде. Поселился инок в родовом доме, к этому времени опустевшем, и деревенские вскоре узнали о нем много такого, о чем никогда слыхом не слыхивали в большом, старинном селе Верхососенье.

Святой источник – первое чудо Никодима

Уже через несколько дней соседи Никодима, пришедшие навестить новоявленного монаха, увидели с изумлением, что прямо в десятке шагов от его дома забил новый источник – мощный, с кристально-чистой водой.

Все жители этой стороны села ходили за водой далеко вниз, почти к самой реке, где был старый колодец, а тут вдруг, на приличном возвышении, появился родник, которым, с благословения Никодима, они стали пользоваться.

А через несколько месяцев уже все верхососенцы считали Никодимовский источник святым и по праздникам и перед ними всегда воду для дома набирали в нем, хотя некоторым жителям приходилось делать для этого приличный крюк (Верхососенья было селом большим, тянулось по обеим берегам Сосны почти на 10 верст, да и сейчас, хотя жителей стало намного меньше, длина населенного пункта мало изменилась).

Всевидящий слепой – исцелитель

Впрочем, не одной водой изумил Никодим односельчан. Они, например, никак не могли понять, как он, совершенно слепой, легко определял, кто пришел к нему, даже еще не услышав голос гостя. А когда он однажды выгнал из дома пришедшую к нему верхососенскую злыдню и сплетницу, Феклу, словами – «Изыди, нечестивая!», а та, потеряв обычную самоуверенность, в страхе сбежала от старца, поняли жители Верхососенья, что рядом с ними отныне будет жить совсем необыкновенный человек.

По Верхососенью слух тогда прокатился, что он не только зловредных чует сразу, но и даже помыслы нечистые определяет. С тех пор к Никодиму шли только с чистой душой и по причине важной – ближним своим помочь.

Легенды и были земли Покровской

Вот, какую, к примеру, историю рассказывала жительнице Верхососенья Неониле Петровне Головиной ее бабушка – Данилова Анна Ивановна.

В их дворе обычно вместе стояли лошадь и корова, но однажды, увидев, как начала биться и нервничать лошадь, разогнала Анна Ивановна животных по своим закусам. Наутро же, придя доить корову, увидела она, что та умудрилась забиться всем телом в большую деревянную колоду, в которой обычно клали для животных солому и сено.

Мужики – соседи помогли, извлекли корову из колоды. Но семейная кормилица на ноги не встала, лежала молча и печально, явно готовясь помирать.

Бросилась тогда Анна Ивановна за помощью к Никодиму – «Помоги, отец святой!». А он ей – «Помогу, если вспомнишь, кто вчера к вам во двор заходил».

А на Анну как затмение нашло – два дня не могла вспомнить, кто же у них все-таки был. Только к вечеру следующего дня, когда мать ее спросила, указывая на стоявшие во дворе дроги: «А когда это Петька телегу привез?», Анна вдруг ясно увидела перед глазами соседа Петра, который, ставя транспорт на место, пошутил что-то насчет животных.

Бросилась Анна Данилова снова к Никодиму, а тот уже встречает ее словами – «Вижу, что вспомнила. Иди к нему, попроси его на воду посмотреть, а потом эту воду мне принеси».

Сосед Петр посмущался немного, сказал, что нехорошие мысли у него про лошадь и корову были. На воду в кувшине посмотрел, и воду эту Анна Никодиму отнесла. Старец пошептал что-то над ней, крестясь, и возвратил кувшин хозяйке: «Иди домой, сбрызни корову этой водой, покрестясь и все будет хорошо!».

Так и сделала Данилова, а наутро, когда зашла она снова в хлев, глядит – ее Милка стоит на своих ногах и мычит приветственно.

И таких историй – про исцеление – рассказывали о Никодиме множество.

Кроме прочего, узнали верхососенцы и о его даре предсказания.

Никодим – прорицатель

Первый раз столкнулись с этим сельчане, когда соби­рался Никодим в очередное паломничество по святым местам. (Вообще, за свою жизнь он 6 раз в Киев ходил, в Лавру, к святым мощам, и дважды – в Иерусалим, на Свя­тую землю, – причем, всегда до цели добирался пешком).

Когда схимонах очередных паломников, пришедших к нему, слушал, одной из женщин, которая тоже в Палес­тину собиралась, сказал Никодим: «А тебе не надо идти – не дойдешь». Как ни пыталась молодая, крепкая здоровь­ем женщина выяснить, почему она не дойдет, - ничего боль­ше не сказал ей Никодим.

Не послушалась его паломница, пошла вместе со все­ми в Палестину, а через две недели на одной из стоянок умерла – быстро, во сне, так и не дойдя до цели путеше­ствия.

С тех пор никто из будущих паломников не рисковал больше так, как эта несчастная женщина.

Иногда в путешествиях сопровождала Никодима де­вочка – поводырь, по чаще он шел сам – один, постукивая посохом по земле. Те же, кто видел его в Палестине, гово­рили потом, что там он изучил каждую ложбинку, каждый бугорок, связанный с именем Господа, и находил все наи­зуть и на ощупь.

Слух о Никодиме Верхососенском прошел по окрестным деревням и селам, до уездного Малоархангельска добрался. Часто к нему за помощью и советом знатные люди обра­щались – больные телом или душой. И для всех находил Нико­дим слова исцеления.

Незадолго до начала Первой Мировой войны сказал он как – то очередным своим просителям: «Скоро война великая будет, а зимой и смута еще страшнее придет. Но

не увижу я ее. Меня похороните у храма Богоявленского, справа от дверей, у дороги. Похороны самые простые организуйте».

Смерть святого и то, что произошло ПОТОМ

Умер схимонах Никодим (Комардин) в 1915 или 1916-ом году. Незадолго перед смертью своей любимой племяннице Марфе два креста передал: «Береги их, намоленные они, тебе и детям твоим помогут».

Похоронили Никодима при огромном стечении народа – так, как он завещал, но все же камень надгробный потом поставили – «Здесь покоится тело инок Никодима».

Когда соседи Никодима домой возвращались и хотели – в память о святом – из его родника воды набрать, увидели они, что нет воды в источнике – иссяк он внезапно после смерти хозяина дома.

Пришлось отныне ходить за водой опять далеко вниз, к самой реке.

После революции, пока церковь действовала, прихожане ее, храм посещая, не забывали о Никодиме – всегда к нему на могилу заглядывали и крестились, крестились.

В 1932-ом году Богоявленскую церковь власти закрыли для богослужений. Местные богоборцы забрались на колокольню и сбросили все пять колоколов вниз. Раскололись они с жалобным стоном, словно плакались – «Зачем вы с нами так?» Обломки бронзы отвезли потом на переплавку.

Иконы из иконостаса и с киотов из храма выбросили. Часть их сожгли, часть, разделив на доски, пустили на изготовление парт для учащихся Верхососенской школы. Одну из икон, пока местные активисты в храме орудовали, унесли к себе в дом два местных пацана – Сергей и Федор Го-

ловины. В доме младшего, Сергея Афанасьевича, и стояла она почти 70 лет. Головин был уверен, что икона эта, с Николаем Чудотворцем, жизнь ему на войне спасла.

Разломали богоборцы сельские красивую кованую ограду церковную, растащили ее по домам.

В 60-ые годы добрались было они и до могилы Никодима – слух прошел, что в ней крест золотой лежит, огромный.

Мародеры местные уже плиту надгробную сдвинули, землю до склепа вскрыли, когда старушки их застыдили: «Что ж Вы, ироды, делает? Какое золото? Ведь он нищий был, все, что имел, на себе носил, да и то раздал перед смертью».

Засмутились мародеры, забросали землю на место и плиту подвинули на склеп.

Еще через несколько лет председатель местного колхоза задумал конюшню строить. И ничего лучшего не придумал, кроме как пустить на фундамент ее надгробные плиты от Богоявленского храма.

Почти все они тракторами были свезены к месту строительства конюшни. Но тракторист, выполнявший это черное дело, на могильную плиту Никодима посягнуть не посмел. Она осталась на месте.

А еще через 10 лет усилиями двух местных верующих женщин на могилу Никодима была поставлена скромная металлическая ограда, существующая и донныне.

Монах Курской Коренной пустыни Вениамин, уроженец Верхососенья, несколько лет назад начал богоугодное дело по восстановлению храма в селе Верхососенья, но потом дело застопорилось.

Жаль! Храм, у стен которого похоронен такой служитель Божий, как Никодим, достоин лучшей участи.

Как покровчане в Раю умирали...

Ранним мартовским утром 1942 года, когда морозные сумерки еще всю властвовали над безмолвной природой, жители Кунача Мария и Василий Стефановы проснулись от громкого и требовательного стука в дверь их небольшого деревянного дома, стоявшего на самом краю деревни.

Торопливо одеваясь, муж и жена молча и тревожно переглядывались. С конца ноября 1941 года в Куначе, как и во всем оккупированном Покровском районе, хозяйничали фашисты. И этот продолжительный стук мог принадлежать только им, новым «хозяевам».

Сердце Марии Григорьевны билось гулко и часто. Она боялась – за себя, за двух малолетних детей, но еще больше – за мужа.

Коммунист Василий Стефанов до войны работал помощником Покровского райпрокурора, и его – в составе группы из более чем 30и коммунистов и комсомольцев оставили в тылу врага для ведения разведывательной и диверсионной работы.

Выполнив несколько заданий, Василий Григорьевич пытался перейти через линию фронта, но, не сумев этого сделать, пришел в родной дом в Куначе. Две недели никто его здесь не беспокоил, никто из соседей не поинтересовался, почему это вдруг и откуда появился в деревне прокурорский работник Стефанов.

И вот этот стук...

Мария Григорьевна открыла дверь. В разреженных сумерках она разглядела стоявшие у самых дверей серые фигуры немцев и одетых в свои полушубки, но с повязками на рукавах, полицаев.

«Стефанов здесь?» – громко и грубо спросил один из них. Это был ставший потом широко известным среди покровчан предатель Александр Гордеев.

Мария словно языка лишилась, никак не могла что-либо сказать, но Василий, не дожидаясь, пока пришедшие обшарят дом, сам вышел навстречу оккупантам.

«Ну что, Васька, дождался гостей?» – с издевкой спросил тот же Гордеев. «Собирайся, говорить с тобой будут – но в другом месте». Он с размаху подтолкнул Василия в спину прикладом винтовки, даже не дав ему до конца застегнуть полубок.

Слезы застлали глаза хозяйке, когда увидела, как сажают мужа на сани, чтобы увезти от нее навсегда. Успела, как во сне, Мария Григорьевна увидеть, что достал Гордеев из кармана ученическую тетрадку, открыл ее, полистал и назвал вслух еще одну фамилию, их соседа Ретинского, которого тоже предстояло арестовать.

Но посланные за ним полицаи вернулись одни – Ретинского дома не оказалось.

Через два часа Стефанова – под охраной двух полицейских и немца – доставили в деревню Ивановку, где находился штаб одного из подразделений ГФП (немецкой полевой полиции), и заперли в большой неотапливаемый сарай.

Здесь, на кучах соломы, брошенной на земляной пол, уже сидело около десятка арестованных, к которым и присоединился помощник прокурора.

Василий Григорьевич попытался поговорить с кем-либо из них, но все подавленно молчали. Только к вечеру Стефанов понял, в чем дело.

Буквально за сутки до этого из сарая, превращенного гитлеровцами во временную тюрьму, бежали двое из арестованных. Они сумели проделать в земляном полу подкоп под стену и исчезли под покровом темноты (на первых порах охрана не проявляла особой бдительности). Эти двое звали с собой и остальных, но никто не решился последовать их примеру.

Наутро, узнав о побеге, гитлеровцы избили оставшихся до потери сознания и пригрозили им расстрелом (вот почему они целый день понуро и молча сидели в ожидании своей судьбы).

Легенды и были земли Покровской

За бежавшими фашисты пытались организовать погоню, но прошедший ночью обильный снег глубоко упрятал их следы, и потому даже вызванные по такому случаю сабаки оккупантам не помогли.

Вернулись немцы и полицаи разозленными, охрану сарая усилили – в такой вот неудачный для себя момент оказался в нем Василий Стефанов.

К вечеру уставшие от долгого молчания, неопределенности, холода и голода арестованные все же разговорились.

Василий Григорьевич узнал некоторых в лицо, других по фамилии. Все это были местные жители, в основном коммунисты, как и он, оставленные по заданию райкома партии для организации Покровского партизанского отряда. Командиром его стал уполномоченный Наркомата заготовок Кузьма Камынин, а в состав отряда вошли В.М. Зубков, Е.И. Дубинкин, С.А. Рыбин, А.М. Афанасьев, С.А. Дырдов и другие партийные и советские работники Покровского района.

Сидевшего в сарае секретаря Покровского сельсовета В.М. Зубкова Стефанов узнал сразу: они регулярно общались до войны по долгу службы, даже дружили.

Зубков и рассказал помощнику прокурора, что его самого арестовали так же – приехали немцы рано-рано утром, постучались в дом – и увели.

Когда же Зубков и Стефанов поговорили с остальными арестованными, выяснилось страшная и печальная причина всех арестов подпольщиков.

Уроженец деревни Тетерье Александр Гордеев, раскулаченный и сосланный в начале 30ых годов, за год до войны вернулся в родные места. Когда война началась, и наши войска первое время отступали, Гордеев загодя стал готовиться к приходу гитлеровцев.

После оккупации Покровского района в конце ноября 1941 года он явился в немецкую комендатуру и предложил свои услуги. В аккуратной ученической тетрадке у Гордеева были записаны имена и фамилии всех подполь-

щиков, их родственников, адреса. Имелись у него даже фотографии некоторых активистов.

Немцы назначили Гордеева старшиной Покровской волости, и в этой должности он проявил бешеную активность, изо всех сил стремился выслужиться перед оккупантами.

По его наводке уже в январе 1942 года гитлеровцы напали на след командира партизанского отряда Кузьмы Камынина, схватили его, когда он при попытке перехода линии фронта обморозил ноги и скрывался на одной из квартир в селе Покровское, и расстреляли.

Потом наступила очередь активистов села Успенское. Их, 8 человек, расстреляли после жестоких допросов на окраине Ивановки 12 января.

Именно после этого у гитлеровцев сложилась практика привозить арестованных сюда, в типично русскую деревню, с исконным русским названием (только в Покровском районе есть три населенных пункта с названием Ивановка – А.П.).

Две недели Стефанов и Зубков провели в своей тюрьме, ежедневно вслушиваясь в ночную темноту, которая под утро разрывалась треском автоматных очередей. Нескольких их товарищей по несчастью гитлеровцы уже расстреляли, но через день-другой в сарае появлялись новые арестованные: Гордеев продолжал свою изуверскую деятельность.

Сидевших под арестом патриотов фашисты не кормили (а зачем, если их готовили совсем к другому?). К двум – трем из них приходили родные, чудом узнавшие, где находятся их близкие. Василия Стефанова трижды за две недели навестила жена, пешком преодолевавшая 18 километров только в одну сторону. Вот ее-то продуктами и питались Стефанов, Зубков и их соседи по тюремной камере.

Обычно жители деревни не видели, как и когда происходили расстрелы, просто слышали в очередной раз шумные автоматные очереди.

Легенды и были земли Покровской

От Ивановки к Даниловке вдоль неглубокого оврага течет ручей, впадающий в реку Медвежку. Вот на склоне этого оврага в феврале 1942 года фашисты произвели два расстрела, свидетелем которых стал местный паренек Михаил Грошев.

В первом случае была казнена молодая женщина. Во втором – расстреляли двух покровчан. Один из них упал сразу, а второй рванул на себе бушлат: «Стреляй, сволочь фашистская!»

Четыре автоматных очереди четырех карателей, да еще два контрольных выстрела командира группы по уже неподвижному телу – достались как раз этому патриоту.

А 21 марта 1942 года наступила очередь двух Василиев – Стефанова и Зубкова. Секретаря Покровского сельсовета и помощника райпрокурора со связанными за спиной руками вывели из сарая, с которым в последние дни они как-то сроднились, и восемь автоматчиков с двух сторон погнали их, подталкивая, к той части деревни, что у местных жителей называлось Старой.

За огородами начиналось колхозное, непаханное с осени поле. На самом краю его остановились гитлеровцы. Командир отряда прочитал по – немецки приказ, в котором было понятно одно слово – «партизан».

Восемь автоматов застучали почти одновременно. Никогда не думали два Василия, что от жизни до смерти путь их будет таким коротким.

Часть деревни Ивановки и по сию пору называется у местных жителей – «Рай». Говорят, что с помещичьих времен еще, когда построили здесь красивый пруд, появилось это словечко в лексиконе местных жителей.

Но никогда не думали они, что здесь, в Ивановке, в райском уголке, будут отправлять в загробный мир покровчан по ускоренному маршруту: одна очередь – и ты уже в раю. Из 30и человек Покровского партизанского отряда больше половины остались лежать на краю Ивановки, а еще часть расстреляли или повесили в других се-

лах и деревнях района – в Покровском, Отраде, Алексеевке, Липовце.

Немногим патриотам удалось дожить до освобождения, и лишь один – Семен Дырдов дождался тогда награды – ордена Отечественной войны первой степени.

После освобождения большей части Покровского района в феврале 1943 года волостной старшина Гордеев ушел вместе с немцами, оставив о себе недобрую память и желание поквитаться с ним у родственников тех покровчан, кого он отдал на смерть и поругание оккупантам.

Многих полицейских и старост, работавших на фашистов в оккупированном районе, органы НКВД арестовали. Замаранных кровью – расстреляли, другим дали «10 лет лагерей». Но часть, как и Гордеев, спаслась бегством.

О судьбе большинства ушедших на Запад нам ничего не известно. Очень хочется верить, что Кара Божья настигла в конце концов предателя Гордеева, и он оказался не в Раю, а в Аду.

Только там и место таким, как он.

Только там!

И нет им прощения и оправдания.

Никогда!

Расстрелянная деревня

В результате декабрьского (1941 года) наступления войск Юго-Западного фронта в рамках Елецкой наступательной операции была освобождена небольшая часть Покровского района в его теперешних границах.

Линия фронта пролегла между селом Вепринец и деревней Первая Муратово. Немцы с января 1942 года стали создавать оборонительные укрепления на окраине села, по левому берегу ручья Вепринец. Части же 132 стрелковой дивизии, находившиеся на этом участке фронта, первое время обходились отдельными окопами, выкопанными в глубоком снегу.

Полоса обороны советских войск проходила по окраине деревни Вторая Муратово, а деревня 1 Муратово оказалась как бы в ничейной, насквозь простреливаемой с обеих сторон зоне.

В январе и феврале 1942 года фронт на этом участке еще был очень непрочен, зыбок. И особенно неуютно чувствовали себя в этой ситуации жители 1 Муратово. 6 февраля немцы ворвались в 1 Муратово, предварительно обстреляв деревню. А затем, шныряя по населенному пункту, фашисты стали бросать гранаты, стрелять, поджигать крыши домов. Но делали это второпях – видно, опасались контрудара наших со стороны 2 Муратово. Часа 2 или 3 продолжался этот скоротечный набег.

Потом немцы отошли к Вепринцу, оставив позади себя пылающие дома, взорванные подвалы, убитых и раненых мирных жителей. Оставшиеся в живых ушли под защиту советских солдат во 2 Муратово.

Трудно теперь сказать, почему мирных жителей из 2 Муратово, живших на самой линии фронта, не отправили поглубже в тыл (хотя бы в В-Жерновец или Шалимовку). По крайней мере, они сами не раз просили об этом командование. Но по каким-то высшим соображениям эвакуация так и не состоялась.

Оборонявшие 2 Муратово бойцы 132 стрелковой дивизии во время коротких перерывов отдыхали и ночевали по деревенским избам (человек по 10-12 в каждой). Муратовцы за два месяца хорошо запомнили многих бойцов, знали их по фамилиям и именам.

Ничто, казалось, не предвещало беды. Но утром 22 февраля 1942 года началась трагедия, длившаяся двое страшных суток.

Большие силы гитлеровцев после тщательной разведки внезапно атаковали наших бойцов, оборонявших 2 Муратово. Причем, фашисты сделали это очень организованно, умело и быстро. Наступали они с трех сторон – от Вепринца, от Лазаревки и даже с тыла советских войск, от Верхнего Жерновца, лишив красноармейцев 132-ой стрелковой дивизии возможности сообщить в штаб о присылке подкреплений.

Для обеспечения внезапности одна из групп гитлеровцев прошла по дну глубокого оврага, разделявшего 1 и 2 Муратово. Часть бойцов 132 стрелковой была застигнута врасплох, однако остальные оказали ожесточенное сопротивление.

Местные жители, как только началась пальба, сразу попрятались в погреба. Трудно сказать, сколько длился бой, может час, может, меньше. Но вскоре стрельба стала стихать, лишь изредка раздавались отдельные выстрелы.

Из приоткрытой двери погреба за тем, что происходило на улицах деревни, наблюдал местный житель Дмитрий Соломатин, чья семья вместе с двумя другими семьями пряталась здесь. Он-то и передал вниз, в глубину погреба, остальным, что бой закончился.

Да, бой закончился, но вылезать из безопасной темноты никто из муратовцев не торопился. Однако вскоре всем пришлось это сделать. Фашисты, группами по 4-5 человек, с автоматами наперевес и с канистрами за спиной стали перемещаться от дома к дому.

Одни из гитлеровцев подбегали к дверям погребов и, угрожая гранатами, выгоняли жителей на поверхность.

Другие щедро плескали бензином по крышам и стенам домов и тут же подносили факел. Через полчаса в деревне не осталось ни одного целого дома. Огромное зарево охватило полнеба.

Подожгли немцы и дом семьи Соломатиных. Когда, увлекшись, фашисты продвинулись дальше, глава семейства вместе с детьми пытался хоть что-то спасти из горящего дома. Но из этого ничего не вышло. Взрывом разорвавшейся рядом гранаты Дмитрий Соломатин был ранен в ногу. Сильное кровотечение с трудом удалось остановить с помощью тугой перевязки.

Пока все это происходило, на виду у муратовцев фашисты прогнали группу из двух десятков захваченных в ходе боя красноармейцев. Соломатиных и их соседей (всего человек 15) под охраной 5 немцев гнали к дороге, на которой собиралась общая большая группа жителей деревни, которые молча ждали решения своей участи. И лишь изредка прерывал жуткую тишину плач какого-то маленького ребенка (а их много набралось по всей деревне).

2 Муратово, старинная деревня, известная с начала 17 века, расположена на двух сторонах оврага, по которому протекает ручей. По одной его стороне гитлеровцы собрали уже всех жителей и собирались то же самое проделать с остальными муратовцами.

Но тут случилось чудо. И чудо это было в лице одного из командиров Красной Армии, который внезапно, на виду у гитлеровцев, показавшись за горящим домом Соломатиных и, стреляя по фашистам, перебежал, скрывшись за другим горящим домом. Четверо из пяти немецких автоматчиков бросились в погоню за офицером, который по вырытому за деревней ходу сообщения пытался добраться до Верхнего Жерновца.

Пока автоматчики гнались за нашим офицером, оставшемуся в одиночестве охраннику не очень хотелось, видно, одному продолжать грязную работу. И когда охраняемые им муратовцы попытались уговорить его разрешить

им опять забраться в погреб, немец повел автоматом: «Шнель»!

Очень быстро, боясь, что фашист передумает, Соломатины и их соседи забрались в тот же погреб и прикрыли за собой дверь. Гитлеровец бросил сверху гранату, взрыв которой напугал и оглушил всех сидевших в подвале, но осколки никого не задели, что тоже было, несомненно, чудом.

Здесь, в темноте, часа через два или три и дождались оставшиеся в живых муратовцы подошедших из села Верхний Жерновец бойцов 132 дивизии. Но от самой деревни к этому времени уже ничего ни осталось. Вдоль догоревших домов и сараев, у подвалов и погребов, внутри них лежали убитые немецкие и советские солдаты вперемешку с местными жителями.

Кстати, торопясь, опасаясь удара в спину, гитлеровцы не успели добить раненых. И потому, после освобождения, нескольких бойцов, оставшихся в живых, тут же отправили в тыл, в госпиталь. Туда повезли и раненого Дмитрия Соломатина. А его семейство и все остальные уцелевшие муратовцы покинули сгоревшую дотла деревню, уйдя вначале в Верхний Жерновец, а потом и еще дальше. Там, в глубоком тылу, встретили они известие об освобождении родных мест в феврале 1943 года.

В апреле того же года оставшиеся в живых жители 1 и 2 Муратово узнали о трагической судьбе остальных своих земляков с другой стороны деревни.

У Дмитрия Соломатина и у его жены была большая семья. Одна из дочерей – Варвара – к началу войны вышла замуж, родила ребенка и жила в той же деревне, но на другой стороне от дома родителей, за прудом. Вечером 21 февраля внучка Лена гостила у бабушки с дедушкой, и ее хотели оставить на ночь. Но Варвара Тулина (такую теперь она носила фамилию) поздно вечером пришла за дочкой и забрала ее к себе.

А утром во 2 Муратово ворвались фашисты. Гладких, Сиротины, Соломатины, Тулины, Одровы, Набатовы –

Легенды и были земли Покровской

всего 73 человека – всю эту большую группу муратовцев с одной, (левой по течению ручья), стороны деревни гитлеровцы во второй половине дня пригнали в село Вепринец, в котором были их крупные силы и где они себя чувствовали уверенно.

Немцы заперли мирных жителей в большой деревянный сарай, находившийся в середине села, и, оставив охрану, ушли на ужин и отдых.

Вечером 22 февраля гитлеровцы забрали из сарая восемь взрослых мужчин и увезли куда-то с собой. Все думали, что на расстрел, но этим восьми повезло – они-то как раз остались живы, хотя страху натерпелись большого.

Утро 23 февраля выдалось холодное, морозное. Просидевшие всю ночь в стылom сарае, голодные и замерзшие жители 2 Муратово еще не знали, куда и зачем их поведут, когда открылись двери и, подталкиваемые автоматами, женщины с детьми, старики и старухи поплелись в свой последний путь – на край глубокого оврага метрах в пятистах от центра села.

Уже обреченные на смерть, муратовцы шли по глубокому жесткому снегу, с трудом вытаскивая из него ослабевшие ноги.

Шла вепринецкая учительница Анна Сиротина с пятью своими детьми (старшему, Сереже – 9 лет, младшему, Гене – чуть больше года), шли колхозницы Ольга Одрова и Прасковья Набатова – каждая с тремя маленькими детьми.

Шли – все еще на что-то надеясь.

Володя Набатов, старший из трех детей Прасковьи Тимофеевны, взял с собой портфельчик с учебниками. Он думал жить, а для него жить – значило учиться – в школе, в 4 классе. Рядом с ним, захлебываясь снегом, бежала его 4-ехлетняя сестренка Валя. Годовалого Владислава, младшего из Набатовых, мать несла на руках.

Вели за руки своих детей Ирина Гревцева, Анна Корчагина, Варвара Тулина, Анна Сметанникова, Матрена Тюрина.

Через полчаса увидели муратовцы место, хорошо им знакомое – не раз многие из них здесь, на склонах глубокого оврага, на дне которого тек ручей, собирали летом вкуснейшие ароматные ягоды.

Но сейчас – сейчас шла зима, а оккупантам, пригнавшим сюда жителей, было холодно. Мерзнуть дальше они не хотели, но действовали, как всегда, – расчетливо, по-немецки педантично, изуверски последовательно.

Всех муратовцев фашисты поделили на три группы. Тех, кто был в первой, тут же заставили стать на колени, лицом к оврагу, и с расстояния не более 10 метров расстреляли, целясь в сердце или голову.

За первой группой та же участь постигла вторую. Набатова и ее дети были в последней, третьей группе приговоренных к смерти. Онемевшими руками Прасковья прижимала к себе грудного ребенка. Один из гитлеровцев ударил Набатову прикладом автомата по голове, вырвал ребенка и бросил его в снег.

Раздались автоматные очереди, и свет померк для Прасковьи Набатовой. Сколько прошло времени, неизвестно – но очнулась она, погребенная в снегу на дне оврага, куда столкнули гитлеровцы всех расстрелянных, даже не прикопав их хотя бы немного.

Шестьдесят четыре муратовских жителя остались лежать здесь, шестьдесят пятая очнулась и стала искать своих детей.

И нашла – уже мертвых. Как увидела Прасковья Тимофеевна Володю, Валю и Славика, учительницу Анну Кузьминичну и ее пятерых ребятишек, всех остальных увидела – мертвых, обезумела и кричала на все поле, чтоб и ее убили проклятые фашисты. Кричала долго, да крики ее не услышал никто: далеко было до села.

Долго потом скиталась по окрестным деревням поте-рявшая всех детей русская мать. И к немцам снова попадала, и замерзала, и голодала, но все же до своих летом 1942 года добралась.

Им, бойцам Красной Армии, рассказала Прасковья про страшный расстрел, про гибель детей и односельчан.

Легенды и были земли Покровской

Через год, уже после освобождения села Вепринец, побывала Набатова в том овраге. Пришла, глядит, а тут уже – три невысоких холмика: кто-то из местных жителей похоронил-таки всех погибших.

Весной 1967 года Прасковья Тимофеевна Набатова, единственная чудом оставшаяся в живых свидетельница событий, показала место расстрела отряду красных следопытов из Липецка. Вместе с учениками и учителями Вепринцевской школы липчане перенесли останки расстрелянных муратовцев в братскую могилу села Вепринец, где уже покоились советские воины, погибшие при освобождении села. Чуть позже на могиле появилась гранитная плита с фамилиями всех казненных фашистами 23 февраля 1942 года.

Вот этот скорбный список:

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Год рождения
1	Гладких Анна Кузьминична	1910
2	Гладких Василиса Иосифовна	1926
3	Гладких Антонина Иосифовна	1928
4	Гладких Павел Ефремович	1880
5	Гладких Евдокия Прокофьевна	1890
6	Гладких Пелагея Петровна	1906
7	Гладких Николай Андреевич	1929
8	Гладких Василий Андреевич	1939
9	Гладких Григорий Андреевич	1927
10	Гревцева Ирина Алексеевна	1890
11	Гревцев Андрей Иванович	1933
12	Гревцева Мария Ивановна	1925
13	Гревцева Евдокия Прокофьевна	1890
14	Гревцева Раиса Ивановна	1941
15	Гревцева Таисия Ивановна	1938
16	Елисеев Егор Сергеевич	1891
17	Корчагина Анна Акимовна	1911

Александр Полынкин

18	Корчагина Валентина Михайловна	1935
19	Корчагин Виталий Михайлович	1939
20	Корчагина Нина Михайловна	1940
21	Корчагина Анастасия Федоровна	1894
22	Корчагина Раиса Алексеевна	1923
23	Корчагина Любовь Алексеевна	1928
24	Набатов Владимир Тихонович	1931
25	Набатова Валентина Тихоновна	1937
26	Набатов Владислав Тихонович	1941
27	Одров Иван Николаевич	1887
28	Одрова Лукерья Егоровна	1889
29	Одров Михаил Иванович	1927
30	Одрова Ольга Федосеевна	1896
31	Одрова Таисия Гавриловна	1930
32	Одрова Нина Гавриловна	1927
33	Одрова Любовь Гавриловна	1933
34	Мальцева Анна Семеновна	1880
35	Мальцев Василий Карпович	1908
36	Сметанников Алексей Прокофьевич	1894
37	Сметанникова Анна Николаевна	1894
38	Сметанникова Ираида Алексеевна	1935
39	Сиротина Наталья Митрофановна	1877
40	Сиротина Анна Кузьминична	1912
41	Сиротин Сергей Александрович	1932
42	Сиротина Алла Александровна	1934
43	Сиротина Ирина Александровна	1936
44	Сиротин Александр Александрович	1938
45	Сиротин Геннадий Александрович	1940
46	Соломатина Анна Николаевна	1875
47	Тулина Наталья Павловна	1884

_____ Легенды и были земли Покровской

48	Тулина Варвара Дмитриевна	1912
49	Тулина Елена Михайловна	1936
50	Тюрин Кузьма Иванович	1880
51	Тюрина Матрена Зиновьевна	1909
52	Тюрина Надежда Ивановна	1935
53	Тюрина Альбина Ивановна	1941
54	Тюрина Елена Ивановна	1909
55	Тюков Ефим Петрович	1872
56	Тюкова Мария Арсентьевна	1872
57	Тюкова Клавдия Ефимовна	1928
58	Тюкова Валентина Ефимовна	1932
59	Черникова Ефросинья Ефимовна	1886
60	Черникова Анна Григорьевна	1894
61	Набатова Анна Петровна	1904
62	Набатова Екатерина Савельевна	1915
63	Гладких Петр Ефремович	1888
64	Гладких Мария Ивановна	1880

Бой у деревни Дубинкиной (как собаки Ливны спасли)

В последних числах декабря 1941 года в ходе Елецкой наступательной операции, проводившейся на правом крыле Юго-Западного фронта, 143я и 132я стрелковые дивизии, двигаясь вдоль шоссе Ливны – Орел, освободили от гитлеровцев село Демидово (Ливенский район) и деревню Дубинкину (Дросковский район).

Казалось, еще немного, «еще чуть-чуть» и районный центр Дросково (до него оставалось шесть километров) тоже будет освобожден. Но сил у поредевших дивизий для этого уже не осталось (в каждой из них вместо 8 тысяч состава, как положено по нормам, было чуть более двух тысяч солдат и офицеров).

Однако и фашисты, измотанные в ходе месячных боев и потерявшие значительную часть живой силы и техники, резервов для организации контрнаступления здесь не имели.

В результате фронт остановился, а его линия пролегла между деревнями Дубинкиной и Сетеновой, по полям и оврагам, где наши и немцы, закопавшись в снег, наблюдали друг за другом, время от времени прощупывая позиции противника то стрельбой, то разведывательными вылазками.

Бойцы 143-ей стрелковой дивизии через неделю были переброшены на другой участок, а в Дубинкиной, на передовых позициях, остались две неполных роты 132ой стрелковой (дивизией тогда командовал будущий маршал Советского Союза С. Бирюзов).

Именно им пришлось пережить самое тяжелое время – январь и февраль 1942 года.

Расположились солдаты дивизии по домам жителей деревни (до войны это был довольно большой населенный пункт: 50 дворов, в которых проживало 285 человек).

Легенды и были земли Покровской

В доме Елизаветы Ефросимовны Луниной разместились взвод не совсем обычных солдат – каждый из них прибыл с собакой. Командира взвода Лукина сопровождала огромная овчарка, а у бойцов были псы небольшого роста, короткошерстные, неизвестной местным жителям породы.

Лукин и красноармейцы нашли для себя место в хате (хотя спать им пришлось на полу), а собак определили в сенцы.

Дети хозяйки – дочь Маша и младший сын Коля – к собакам отнеслись вначале с опаской, особенно к овчарке, поскольку ростом она не уступала им самим, а о силе и говорить нечего. Однако все псы оказались покладистыми, добродушными по отношению к детям, позволяя во время игр делать с собой что угодно, вплоть до катания на них.

А иногда Маша и Коля, как и соседские дети, даже отбирали у животных вкусные сухарики, которыми тех кормили (для ребят это было настоящее лакомство).

Честно говоря, дети сразу заметили, что солдаты питались похуже, чем собаки, особенно в первые январские дни: замерзшую буханку хлеба бойцы распиливали ножовкой на восемь аккуратных кусочков, деля потом и крошки, оставшиеся на столе. Этот скудный рацион дополняла ложка сахара – и все на целый, очень холодный день.

Поэтому местные жители делились с солдатами всем съестным, что у них было (а как же иначе?). Но все же иногда особо изголодавшие красноармейцы залезали в деревенские подвалы, подъедая картошку и соленья. Владельцы подвалов шума по этому поводу обычно не поднимали – у многих такие же по возрасту дети были на фронте, и, кто знает, может быть, и им еды где-то там не хватало – так пусть поедят досыта, так считали пострадавшие.

Ротные командиры постарались с первых дней наладить дисциплину и порядок. Отправляя солдат на передо-

вую, инструктировали их, наставляя быть внимательнее. Несколько раз молодые ребята, находившиеся там, слишком громко спрашивали пароль у сменявших их солдат (почти за километр было слышно – в самой деревне). По этой причине немцы (даже в темноте) обстреливали позиции рот на звук, и двое красноармейцев были тяжело ранены.

После таких уроков подобных ляпов больше не было. В середине января бойцы обеих рот приняли участие в операции в районе деревни Погонево, находившейся левее их позиций и занятой гитлеровцами.

Используя овраги, наши солдаты скрытно приблизились к окраине и залегли, поджидая большой конный обоз гитлеровцев, который направлялся к селу Дросково.

Атака была внезапной, и поэтому фашисты отстреливались довольно беспорядочно. Потеряв несколько убитых и раненых, оставив весь обоз, немцы поспешно отступили к лесу.

Когда они вернулись с подкреплением, обе роты 132-ой дивизии, забрав трофеи, благополучно вернулись к Дубинкиной.

Трофейных лошадей отправили в тыл, а одежду и обувь из обоза бойцы раздали местным жителям.

После этого случая гитлеровцы взбеленились, и почти каждый день обстреливали позиции рот, регулярно делая вылазки, в ходе которых у нас были раненые и убитые.

Для того, чтобы по возможности точнее знать планы гитлеровцев, следить за их передвижениями, Лукин приказал устроить в деревне Дубинкиной наблюдательный пункт. На высокую раскидистую березу каждый день влезал один из бойцов и из бинокля изучал немецкие позиции.

Лазание на дерево и спуск лучше всего получались у молоденького 18 летнего солдата, детдомовца Коли Воронина. Он же оказался самым наблюдательным. Потому Лукин, оценивший Воронина за эти качества, стал посылать на наблюдение только его.

Легенды и были земли Покровской

Воронин, каждый раз перед отправлением на задание, если встречал кого-то из деревенских девчонок, говорил ей: «Война закончится, вернусь сюда и женюсь на тебе. Ждать будешь?»

Пошутит, маскхалат наденет – и на дерево. Когда же у немцев объявился снайпер, Коля на свое дерево начал влезать только в сумерках.

Таким же путем и спускался, только когда темнеть начинало.

Благодаря наблюдениям Воронина обстрелы и вылазки немцев перестали быть опасными.

Такая сравнительно спокойная жизнь продолжалась до 23 февраля 1942 года. Очередную годовщину Красной Армии на передовой, конечно, отмечать не собирались. Просто утром бойцов собрал командир, напомнил о празднике и сказал, что встретить его надо боевыми успехами.

А в полдень начались события, которые превратили 23 февраля не в праздник, а в тяжелые и страшные военные будни.

С передовой привели девочку. Лет 12, хорошо, по деревенским понятиям одетая: пальтишко, варежки, валенки, чистенькая, умытая. Стал было Лукин ее допрашивать, как вдруг его овчарка на девочку прыгнула, схватила зубами руку и стала ее трепать.

Схватил Лукин своей огромной ручищей собаку за ошейник, но только с большим трудом смог оторвать ее от девочки. Прибежал «особист» (он тут, на передовой, время от времени появлялся), стал расспрашивать. И выяснилось, что девочка подослана немцами: ее проинструктировали узнать, сколько в деревне солдат и какая у красноармейцев здесь боевая техника.

А овчарка Лукина среагировала на специфический запах – пока девочку немцы обучали шпионскому делу, она этим запахом очень сильно пропиталась.

Только маленькую шпионку увезли в штаб, в Демидово, и усилили наблюдение за передовой, как к ротному

командиру прибежал посыльный: немецкий снайпер застрелил наблюдателя Воронина.

Было около трех часов дня.

Лукин и два красноармейца побежали на окраину деревни, к той самой березке. Николай лежал лицом вверх, одна рука была без варежки, аккуратная круглая дырочка во лбу казалась нарисованной красной краской. На лице Воронина застыло какое-то страдальчески – удивленное выражение: «Неужели это в меня попали?»

Впрочем, долго печалиться у тела погибшего не пришлось. Дважды еще успел выстрелить снайпер со стороны Сетенево, и один из сопровождавших Лукина бойцов упал, схватившись за бок. Его быстро оттащили за дом, а потом на санях отправили в медсанбат в Демидово.

Этими двумя событиями День Красной Армии не закончился. Наблюдавшие на передовой за немецкими позициями у деревни Погонево красноармейцы сообщили, что оттуда слышится рокот моторов.

Вскоре поступило второе донесение – 10 немецких танков при поддержке пехоты движутся на позиции двух рот 132ой стрелковой дивизии. Цель их была очевидна – захватить позиции наших войск на дороге, оседлать шоссе Орел-Ливны и прорваться по нему на Демидово, а потом и дальше, на Ливны.

Неожиданностью для советских солдат стало время немецкого наступления – 16.00. Никогда до этого гитлеровцы не пытались наступать в вечернее время.

А тут вдруг...

Надо было принимать срочные меры.

Ротный вызвал Лукина. «Ну что ж, Иван Кузьмич, пришла твоя пора. Покажи, чему научил ты солдат и собак». «Разрешите идти?» – «Иди!»

Лукин бросился к дому Луниных, к своим красноармейцам.

Через пять минут каждый из бойцов, выведя свою собаку на улицу, стал готовить ее к бою. На спину

Легенды и были земли Покровской

каждой привязывался большой и широкий пояс со взрывчаткой.

И тут началось такое, что потом с ужасом вспоминали и красноармейцы, и местные жители. Собаки не дергались, не вырывались, они послушно стояли, пока им цепляли вокруг туловища пояс. Но они выли – пронзительно, долго, страшно. На вой сбежались все находившиеся в деревне.

«Как женщины на похоронах» – сказал кто-то из дедов, вытирая рукавом выступившие на глазах слезы.

Подкатили четверо саней. Собаки сами, без команды запрыгивали в них. Рядом примостились собаководы – красноармейцы.

Под свист пуль и разрыв снарядов (все это летало и разрывалось на окраине и в самой деревне) лошади умчались истребителей танков на передовую.

Было 17.00. Красное солнце исчезало за горизонтом...

Я не знаю, что и как происходило там, на линии столкновения советских и фашистских войск, потому что рассказываю все со слов Марии Васильевны Белевкиной (тогда – Луниной Марии – А.П.), а она в бой не ходила...

Примерно через полчаса оттуда, куда умчались сани с собаками, стали раздаваться взрывы – один, второй, третий, перемежавшиеся со страшной стрельбой. Ближе к полуночи все затихло, а с раннего утра 24 февраля бой продолжился.

И снова взрывы – четвертый, пятый, шестой. Небо, морозное и солнечное – быстро заволокли черные тучи от горящих танков и от чего – то еще непонятного.

Бой продолжался до позднего вечера, и немцы не выдержали, отступили к Погоневой.

Ближе к ночи вернулись в Дубинкину истребители танков. Из 14 человек их осталось ровно половина, и один из живых нес на руках своего тяжело раненного в бою пса. Остальные собаки остались там, на поле боя между двумя деревнями.

Точнее будет сказать, что от 12-и собак не осталось вообще ничего, потому что, бросаясь под танк, они подрывали

его вместе с собой. Один пес, уже, будучи под танком, вдруг резко развернулся и бросился к своему хозяину.

Танк раздавил их обоих, и, повредив гусеницу, долго рычал, вращаясь на одном месте, пока его не успокоили двумя гранатами соседи погибшего бойца.

Единственный доставленный с поля боя пес скончался на руках своего хозяина, который похоронил его в саду, рядом с могилой Коли Воронина и могилами погибших в этом бою солдат.

На следующий день деревенские мальчишки, несмотря на запрет, тайком пробиравшиеся на место сражения и вернувшиеся потом в деревню, рассказывали, что там, на черном от копоти поле, стоят семь подбитых немецких чудищ.

Остатки взвода истребителей танков вывели во второй эшелон, в Ливны, а на их место через два дня прибыл новый взвод – с такими же низкорослыми и дружелюбными собаками.

Впрочем, об их судьбе нам ничего неизвестно. Одно знаю точно.

Самым танкоопасным направлением на этом участке фронта считалось шоссе со стороны Дросково на деревню Дубинкину и далее на Ливны.

После боя 23-24 февраля 1942 года и героической гибели половины взвода истребителей танков и всех собак немцы танков здесь больше не применяли.

P.S. А линия фронта между Дубинкиной и Сетеновой простояла неизменной еще год и три месяца. Только в феврале 1943 года были освобождены от фашистов райцентры Дросково и Покровское, большинство сел и деревень края. Но сделали это уже другие дивизии.

Кровавые грабли войны, или как отцы-командиры в 1942-ом году своих солдат гробили

Сколько может нормальный человек наступать на одни и те же грабли, в кровь разбивая собственную голову? Ответ, кажется, ясен – не более одного.

Однако долгое время наше высшее военное командование и командиры многих воинских частей, сражавшихся с фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны, думали иначе.

По десятку и более раз они наступали – и наступали на одни и те же, кровавые, грабли, укладывая в родную советскую, а потом и в чужую европейскую землю взводы, роты, батальоны своих солдат.

На Орловщине, в одной только Болховской наступательной операции, в феврале – марте 1942 года, когда четыре стрелковые дивизии и две танковые бригады пытались прорвать оборону гитлеровских войск и уничтожить Болховскую группировку противника, наши потери составили более 21 тысячи убитыми и 47 тысяч ранеными.

В числе других сражалась здесь и знаменитая 6я гвардейская стрелковая дивизия. Сформированная летом 1940 года на Орловской земле как 120я стрелковая, она успела отличиться при обороне Киева и Москвы, а за участие во взятии Ельни в сентябре 1941 года стала одной из первых гвардейских частей в Красной Армии.

За месяц боев под Болховом, на Кривцовском плацдарме, 6-ая гвардейская стрелковая дивизия потеряла убитыми и пропавшими без вести более 600 человек, а 1 500 бойцов выбыли из части по ранениям.

Командование Брянского фронта было вынуждено вывести дивизию в резерв, и лишь через два месяца

ца, пополнившись техникой и людьми, бя гвардейская снова заняла позиции на фронте – по рубежу деревень Вязоватая – Мелевое (от Покровского к Верховскому району).

Командир дивизии, генерал-майор Филипп Черокманов до февраля 1942 года командовал 148-ой стрелковой, отличившейся при освобождении Ельца и Ливен. Но на новом месте Филиппу Михайловичу пришлось тяжело: одни потери и никаких удач под Болховом, а теперь вот вообще в обороне сидеть придется.

Человек храбрый, но горячий, временами нетерпеливый, он очень хотел показать гвардейцам заслуженность своего назначения вместо прежнего командира, генерал-майор Петрова, погибшего при налете вражеской авиации.

Бегло изучив позиции дивизии, Черокманов вскоре увидел, что очень вредят его бойцам высоты у деревни Вязоватой, с которых велся довольно точный обстрел наших окопов.

Генерал-майор решил улучшить позиции дивизии, захватив эти проклятые высоты и саму деревню, расположившуюся на крутом берегу реки Труды.

Штаб по приказу Черокманова разработал план, выполнять который предстояло штурмовой группе, включившей в себя стрелковую роту 25 гвардейского полка и 1ый батальон 4 гвардейского полка. Штурмовому отряду помогали приданные ему взводы – пулеметный, автоматчиков, саперов и ПТР.

Чтобы удар был как можно более внезапным для противника, Черокманов приказал начать атаку не на рассвете, как обычно, а в 23 часа – 16 июля 1942 года.

Бойцы и командиры штурмовой группы рывком преодолели небольшое (200-300-метровое) расстояние, отделявшее их от вражеских позиций, и ворвались на северо-восточную окраину Вязоватой. Завязались схватки на улице деревни. Бои шли в домах, на огородах, в окопах и подвалах. Более 40 фашистов

полегло в этом бою, но в ходе его вскоре выяснилось, что огневые средства врага остались неподавленными, поскольку были тщательно укрыты и замаскированы. Вдоль главной улицы Вязоватой гитлеровцы отрыли ход сообщения, имевший ответвления к домам, на чердаках которых и в подвалах были установлены пулеметы.

Да и вообще, лишь к концу боя стало понятно, как отвратительно сработала наша разведка. Выяснилось, что в Вязоватой к моменту боя находилось не менее батальона вражеской пехоты, усиленной минометной батареей, 75 мм орудием и станковыми пулеметами.

Штурмовая группа, потеряв несколько десятков бойцов убитыми, ранеными и пропавшими без вести, отступила к своим окопам.

Когда к трем часам ночи провал наступления стал очевиден, командир дивизии вызвав к себе на КП подполковника Смирнова, командира 25 гвардейского стрелкового полка, который и осуществлял непосредственное руководство ночным штурмом.

«В чем дело, подполковник? Воевать не умеешь? Спасовал перед фрицами?» – зло, вместо приветствия сказал Черокманов прибывшему комполка.

Смирнов хотел было ответить, что сам он категорически не хотел наступать на этом участке фронта, потому что на нем гитлеровцы пристреляли каждый клочок земли (даже ночью, на малейший звук, фашисты били прицельно). Перед своими окопами и проволочными заграждениями они вырубали кустарник, выкосили траву, натыкали мины, фугасы, поставили многочисленные ловушки. И наступать в таких условиях без поддержки артиллерии, да еще ночью, было самоубийственно.

Правда, всего этого комполка, будущий Герой Советского Союза, сказать не успел. Черокманов грубо прервал его – «Умнее командира хочешь показаться? Даю тебе неделю на подготовку – и штурм Вязоватой повторишь. Ясно?»

«Так точно, товарищ генерал-майор» – повернувшись на каблуках, чернее ночи, сквозь которую только что прошел, Смирнов отправился к своему блиндажу.

Но не только эта – вторая, а потом и третья, и пятая, и десятая попытки (в течение июня – августа 1942 года) взять Вязоватую с ее злосчастными высотами заканчивались каждый раз полными неудачами и очередными погибшими, ранеными и пропавшими без вести. На обширном поле, сразу за окопами 6-й гвардейской дивизии, после каждого из таких штурмов появлялись новые могильные холмики.

А командир дивизии все командовал: «Вперед, вперед, вперед!» Черокманов никак не мог смириться с тем, что он в данном случае показал себя никудышним командиром.

Лишь приказ командующего армией, узнавшего о бессмысленных и безрезультатных попытках захватить деревню Вязоватую и ее высоты, прекратил наконец-то эти судорожные действия.

6-я гвардейская вдоволь нахлебалась собственной крови во время самоубийственных атак, но ее опыт никак не пригодился соседу, 280-й стрелковой дивизии, которая стояла в обороне неподалеку, у села Трудки. Полки дивизии (ею командовал полковник Д.Н. Голосов) этим же летом 1942 года много раз пытались овладеть высотами перед Трудками и самим селом. И всякий раз без какого-либо успеха. Последние атаки на высоты у Трудок и на само село солдаты 1033 стрелкового полка 280-ой стрелковой дивизии предприняли 25-27 июля. На этот раз были задействованы и наши орудия. Однако взаимодействие «катюш» с пехотой наладить полностью не удалось. Одни залп реактивных минометов накрыл позиции фашистов, и наши бойцы бросились в атаку, но второй залп «катюш» оказался очень неудачным – снаряды разорвались перед нашими атакующими цепями.

Возникло замешательство, которым воспользовались гитлеровцы. Они стали теснить 1033 стрелковый полк.

_____ Легенды и были земли Покровской

Создалось критическое положение, которое удалось нормализовать ценой больших потерь.

Трудки так и не были взяты, а после 27 июля Военный Совет 48-ой армии разрешил прекратить военные действия – потерь и так было достаточно.

Две дивизии в буквальном смысле умывались кровью все лето 1942 года, но их примера оказалось недостаточно для сменившей их в полосе обороны осенью 1942 73-ей стрелковой.

Только-только успев расположиться, не имевшая никакого боевого опыта и недавно сформированная, дивизия пыталась начать наступление на господствующую у Трудок высоту, такую же, на которых уже погибли десятки солдат из бой гвардейской и 280ой стрелковой дивизий.

Результат был прогнозируем. На высоте 250,3 остался лежать почти весь батальон под командованием капитана Борсентьева, а часть бойцов 73-ей стрелковой попала в плен.

Командиры всех трех дивизий, о которых шла речь выше – Филипп Черокманов, Дмитрий Голосов и Дмитрий Смирнов (73-ая стрелковая) – к концу войны стали Героями Советского Союза.

Я не знаю, напоминали ли эти Золотые Звезды им хоть изредка о других звездах – на братских могилах их бойцов, погибших во время бессмысленных, неподготовленных наступлений летом 1942 года на Орловщине?

P.S. Братская могила в центре села Трудки – вторая по числу захороненных в Покровском районе. В ней лежат более 700 человек только установленных пофамильно. И большинство из них – бойцы бой гвардейской, 280-ой и 73ей стрелковых, погибшие в боях «местного значения» летом – осенью 1942 года.

В тех самых....

И на земле сражались до конца

Хмурым утром 29 января 1943 года жители деревни Грязное Покровского района из числа тех, кого гул самолетов не загонял поглубже в подвалы, вышли на улицу. Со стороны станции Русский Брод, держа курс на Змиевку, еще занятую фашистами, показалась группа из десяти советских бомбардировщиков. Гул нарастал, и самолеты вскоре уже были рядом с деревней.

Неожиданно с той же стороны, откуда шли бомбардировщики, появилась еще одна группа самолетов. Их было шестнадцать. Жители приняли их вначале за наши истребители. Вероятно, так же решили и советские летчики, потому что ни один самолет не свернул с намеченного курса. И «мессершмитты» (а это были они) полностью воспользовались таким обстоятельством. Самолеты с крестами на бортах приблизились вплотную к советским бомбардировщикам и открыли яростный огонь. Одна за другой, не успев рассредоточиться, запылали несколько наших машин. Подоженные, они быстро начали падать со сравнительно небольшой высоты.

Два самолета упали прямо около деревни Грязное. С первого из них, рухнувшего на поле между деревнями Грязное и Кологреево, ни один из летчиков не выпрыгнул. Вероятно, все они были убиты еще в воздухе. Со второго, врезавшегося в заболоченную низину на краю поля, сумели выпрыгнуть два летчика. Но парашют одного из них, как потом оказалось, штурмана, зацепился за хвостовое оперение, и летчика буквально растрепало в воздухе. С земли было видно, как с него соскочили унты, перчатки, а затем он вместе с самолетом ушел в землю.

Второй летчик с этого самолета благополучно приземлился в двухстах метрах от места падения своего самолета, отстегнул парашют и залег в снегу. В деревне тогда стоял небольшой отряд немцев во главе с комендантом (так

Легенды и были земли Покровской

звали его местные жители), да было еще человек пять полицаев из местных предателей. Все они ринулись ловить советского летчика. Но вначале по приказу коменданта по заснеженному полю к летчику поползли несколько человек местных из числа прислуживавших фашистам. Они предложили летчику сдаться. Он крикнул в ответ: «Вы русские? Так ползите обратно – сейчас начну стрелять!»

Прислужники сообщили фашистам ответ летчика, тогда комендант, еще ни разу не бывавший на фронте и не знавший, что собой представляют русские люди с оружием в руках, встал в полный рост и крикнул: «Рус, сдавайс!» И тут же получил свинцовый подарок в грудь. Немцы ползком оттащили своего начальника подальше, погрузили на сани и увезли. Может, в госпиталь, а может, и на кладбище – этого из местных жителей никто точно не знал.

Оставшиеся немцы и полицаи рассредоточились по полю и начали окружать летчика со всех сторон. Летчик отстреливался до последнего патрона, ранил нескольких фашистов, а последнюю пулю пустил себе в висок. И как плакали простые русские бабы, когда большого, красивого белокурого летчика, слегка прикрытого жестким брезентом, провезли на санях по деревне! Фашистские мародеры успели содрать с него унты, и босые ноги летчика волочились по снегу. Тело его вначале находилось в доме одного из жителей, а затем немцы разрешили похоронить летчика вместе с еще одним убитым воином на окраине д. Кологреево. Там до сих пор и находится эта безымянная могила.

Третий самолет упал около деревни Каменка. Два летчика сумели благополучно приземлиться. Один из них не успел даже отстегнуть парашют, когда увидел, что по дороге из Грязного к Каменке мчатся сани с немцами и полицаями. Этот летчик накрылся парашютом, который был совершенно невидим на заснеженном поле. Но один из полицаев просто так, на всякий случай, пальнул из автомата в ту сторону, где лежал летчик, и тот, решив, что его обнаружили, встал, не отстреливаясь. Вероятно, он при

спуске потерял пистолет. Другой летчик из этого самолета приземлился в самой деревне Каменке. Отстреливался до последнего патрона. Последним он пытался застрелиться, но фашистская пуля пробила ему кисть руки в тот момент, когда он подносил пистолет к виску. Немцы схватили его.

Из четвертого самолета, который упал недалеко от села Столбцекое, сумел спастись один летчик. Он приземлился на стог сена рядом с поселком Дубки, где его случайно обнаружил местный староста.

Летчик обрадовался, что встретил не фашиста, не полиция, а обыкновенного местного жителя, и потому без колебаний отдал свой пистолет старосте (тот сказал: «Парень, пистолет-то кинь сюда, от греха подальше»). Получив пистолет, староста застрелил летчика. Немцы, искавшие парашютистов, жестоко избили своего прислужника: «Не суйся не в свое дело!».

Пятый самолет упал у деревни Александровка. Сумели выпрыгнуть из него летчики или нет – неизвестно. Что касается остальных наших пяти самолетов, то, может быть, кому-то из них и удалось прорваться к своему аэродрому. А может быть, сбитые самолеты упали на территории соседнего Залегощенского района. Точных данных пока нет. Все населенные пункты, упомянутые в нашем рассказе, расположены на территории Покровского района.

Вскоре после освобождения местные жители стали сдавать на металлолом обломки самолетов. Остатки трех самолетов были собраны и ушли на переплавку. Осенью 1945 года жители деревни Александровка решили сдать на металлолом еще один самолет. Шесть человек, уже имевшие опыт в раскопках самолетов из земли, подогнали к этому месту грузовик, прицепили трос, и как только грузовик резко, рывком дернул натянутый трос, раздался страшный взрыв. Бомбы, мирно спавшие в самолете с зимы 1943 года, проснулись и навсегда усыпили всех шестерых людей, производивших раскопки.

Легенды и были земли Покровской

Пятый самолет находился и находится до сих пор на заболоченной окраине поля, примыкающего к большому пруду у деревни Грязное. Что касается этого пятого самолета, то, собственно, с него для нас вся эта история и началась.

20 лет тому назад члены туристско-краеведческого кружка Покровской средней школы узнали о том, что в древне Грязное лежит сбитый во время войны советский самолет. В том же году после длительной подготовки группа туристов нашей школы отправилась в многодневный поход по своему району. И одной из главных целей похода была задача попытаться обнаружить этот самолет или, в крайнем случае, собрать о нем сведения.

И вот тогда-то в течение двух дней 6 и 7 июня мы узнали всю эту трагическую историю от местных жителей деревни Грязное. Особенно много нам рассказал Петр Васильевич Средницкий, который 14-летним мальчиком наблюдал бой 29 января. Другой местный житель, Михаил Михайлович Абрамов, показал нам примерное место падения самолета, и мы стали искать. Хлюпала под ногами мягкая почва, насквозь пропитанная водой.

«Ура! Нашел! Ребята, нашел!» – раздался восторженный крик Саши Михайлова, самого неистового из нас в поиске самых разнообразных реликвий времен войны. Все бросились к нему.

Из неглубокой ямы, заполненной водой, под ракушкой торчал узкий, метровой длины, кусок железа. «Он, ребята», – подтвердил Михаил Михайлович Абрамов.

Да, это был он, тот самый пятый самолет, ушедший в болотистую почву и по этой причине до сих пор находящийся в земле.

Неоднократно после войны местные ребяташки пытались откопать самолет. Двое мальчишек, в том числе и брат Петра Васильевича Средницкого, подорвались на немецких минах-«лягушках» недалеко от самолета. Вызывали к самолету саперов, а потом вновь пытались его откопать. Удалось вытащить некоторые части, находив-

шиеся на поверхности, в том числе и пулемет. К сожалению, все они уже потеряны. Но откопать самолет хотя бы до половины не удалось ни разу, так как яма сразу наполнилась водой, а стены ее быстро оползли.

У нас был вначале план: если найдем самолет, попытаться откопать его. В первый день мы начали было это делать – изо всех сил старались вытащить торчащую на поверхности, уже ободранную, без обшивки, часть крыла самолета. Но на второй день решили отказаться от каких-либо попыток откопать боевую машину.

Ведь если осенью 1945 года взорвался самолет в Александровке, то это означает, что сбитые самолеты не успели сбросить свой боезапас. И кто может поручиться, что у грязновского самолета на двухметровой глубине не найдется такой же страшный груз? Рисковать ребячьими жизнями нельзя ни в коем случае, и потому мы не стали откапывать самолет.

Конечно, сделали это с большим сожалением. Но что иначе можно было предпринять?

Уходя из Грязного, сворачивая свой лагерь на живописном берегу пруда, мы твердо знали, что эту историю никто из нас никогда не забудет.

А поиск, выяснение фамилий летчиков со сбитых самолетов вскоре начался. Через два года, в результате запросов в архивы, удалось выяснить фамилии нескольких летчиков из того трагического рейса. Один из них, который лежит ныне в братской могиле, в деревне Кологреево, – старший лейтенант Анатолий Сергеевич Колчеев. Благодаря нашим сведениям, родственники летчика узнали, где и как погиб их сын.

Летчики – герои

В конце января – начале февраля 1943 года большая часть территории Покровского района все еще была оккупирована фашистами. Местные жители, натерпевшиеся за 15 месяцев гитлеровского хозяйствования, ждали прихода Красной Армии (только-только закончилась знаменитая Сталинградская битва).

С откровенной радостью, почти не скрывая ее от полицаяев, провожали взглядами покровчане красноезвездные самолеты, все чаще и чаще пролетающие в направлении железнодорожной станции Змиевка – для бомбежки вражеских эшелонов.

В первых числах февраля, выполнив задание по бомбардировке, возвращались на свой аэродром три звена советских самолетов. Трудно сказать теперь, по какой причине отстал от своих один из бомбардировщиков, но жители деревень Казинка и Барково увидели, что над ними разгорелся жестокий бой советского самолета с несколькими фашистскими истребителями.

Умело уходя из-под ударов, наши летчики сумели подбить один из вражеских истребителей, и тот, дымя, с надсадным воем отвалил в сторону.

Но остальным фашистам (явное преимущество было на их стороне) через некоторое время удалось поджечь советский самолет, и он очень быстро стал падать прямо на деревенские дома.

Никто и никогда уже не узнает, что происходило там, в кабине летчиков. Но с парашютом они не выпрыгнули, а жители Казинки и Барково увидели вдруг, что падавший прямо на них самолет дернулся, как вздыбленный конь, и отчаянным усилием перевалил через крыши домов.

В последние секунды своей жизни летчики сумели спасти жизнь другим – женщинам, старикам, детям.

Сбив верхушку высокой яблони, самолет упал в большом колхозном саду, недалеко от пруда. Первыми, опередив немцев и полицаяев, к месту падения подбежали дере-

венские ребяташки. Среди обломков самолета на потемневшем разом снегу, они увидели двух летчиков. Один был мертв, второй еще пытался что-то сказать.

Подбежали немцы и местный староста, который стал отгонять от самолета ребяташек и столпившихся вокруг женщин и стариков. Староста (служил он немцам, как пес, и после войны понес заслуженное наказание) кричал односельчанам: «И с вами, сволочами, то же будет».

Не дождавшись помощи, умер и второй летчик.

Полиции обыскали пилотов, нашли документы, и староста фамилию одного прочел вслух: Корсаков Николай Иванович. Местная жительница Корсакова Дарья Игнатьевна, вместе с другими женщинами прибежавшая к самолету, упала в обморок. Ее сын Николай, 1923 года рождения, был на фронте с начала войны. Потом выяснилось, что погибший летчик – просто однофамилец.

Фамилию другого пилота тоже называли, но из жителей никто ее не запомнил. После обыска немцы сняли с летчиков меховую одежду и приказали нескольким местным жителям отвезти их на кладбище в село Вязовое и похоронить там.

Среди женщин, наблюдавших весь бой, а потом и трагический конец летчиков, видевших, как чужие, наглые руки, безжалостно шарят по мертвым телам, была и Екатерина Васильевна Баркова. Трудолюбивая, честная женщина, она запомнила события того февральского дня на всю жизнь. И после войны, когда начали подрастать три ее сына – Анатолий, Валентин и Николай, Екатерина Васильевна часто рассказывала им эту историю, особый упор делая на том, как летчики погибли, но деревню спасли.

Сыновья уродились в мать. Косить, пахать, за скотом ухаживать могли, любую другую работу делать не чурались.

Рассказы матери настолько запали им в душу, что после окончания школы они хотели быть только летчиками и никем больше.

Легенды и были земли Покровской

Старший, Валентин Барков, с первого захода поступил в летное училище, а младший, Николай, учась в 10-м классе Покровской средней школы и мечтая о будущей летчицкой профессии, в январе 1966 года написал стихотворение, в основу которого легли рассказы матери о событиях 1943 г.

Стихотворение было опубликовано в районной газете «Сельская правда» под названием «Баллада о неизвестном пилоте». Да, именно о неизвестном, поскольку Екатерина Васильевна фамилий летчиков не знала.

Стихотворению присущи некоторые недостатки, но в данном случае они не играют особой роли:

*Уж лет с тех пор прошло немало,
Как над страной пронесся гром.
И здесь война прогрохотала –
В одной деревне под Орлом...
Машин со свастиками – звенья,
А наш хоть и один, но смел.
И вот уже в одно мгновенье
Поймал он «мессершмитт» в прицел*

*Вдруг вздрогнула его машина,
Сознание чуть не потерял,
Но волей, как стальной пружины,
Он удержался за штурвал.
«Хоть в дом бы этот не врубиться,
Хотя б его уж миновать...
Возможно, женщина простая
Живет в нем, как и моя мать».*

*Рукою, словно из металла,
Он самолет провел над крышей,
И сердце биться перестало,
И летчик ничего не слышал.
Пилот лежал в огне и пыли,
Лежал от дома вдалеке.
И лишь часы его ходили
На окровавленной руке*

Александр Полынкин

Момент с часами – тоже из рассказа матери. Немцы эти часы с руки летчика сняли, и они действительно шли.

В 1966 году Николай Барков закончил школу, поступал в авиационное училище, но не прошел по конкурсу. Не отчаялся, не расстался с надеждой о небе, работал в ремонтных мастерских, а по вечерам занимался в аэроклубе. На следующий год мечта его сбылась: Николай Барков стал курсантом Ейского военного авиационного училища. Учился отлично. 12 июля 1970 года Николаю Баркову исполнился 21 год, а 21 июля должен был состояться тренировочный полет – без летчика-инструктора.

Полет только начался, как самолет вдруг стал терять высоту (что-то случилось с двигателем). Николаю поступил приказ катапультироваться. Но полет проходил как раз над селом Петровским (неподалеку от Таганрога). И курсант Барков не покинул самолет, решил дотянуть до окраины населенного пункта.

И это ему удалось.

Самолет уже, казалось, благополучно покатился по земле, но встретился на пути неприметный вначале холм. Истребитель перевернулся и взорвался. Курсант Николай Барков погиб. Погиб, спасая мирных жителей села Петровского.

Так в третий раз повторилась история: сначала в 1943-м, потом в стихотворении и, наконец, в 1970-м около Таганрога.

В Покровском районном краеведческом музее на почетном месте находятся кислородный прибор летчика Баркова и два осколка от его самолета.

Проводя очередную экскурсию в музей и рассказывая эту историю, я иногда думаю: «Кто знает, может быть, она еще не закончилась? На примере одного героя воспитываются десятки новых героев...».

Екатерина Васильевна Баркова похоронила сына на том же кладбище в селе Вязовом, где лежат с февраля 1943 года два летчика со сбитого советского самолета.

Задача – вызвать огонь на себя (подвиг Ивана Дубинина)

Ранним утром 9 мая 1944 года от скалистого берега Северной бухты Севастополя отчалила шлюпка. В ней находились лейтенант Александр Земков и пятеро его бойцов из 70-го гвардейского стрелкового полка 24-ой гвардейской дивизии.

Этому небольшому десанту, как и двум другим из соседних полков, предстояло переправиться через полуторакилометровый залив на противоположную сторону, занятую гитлеровцами, а затем вызвать на себя огонь артиллерии противника, чтобы наши артиллеристы засекали фашистские батареи и уничтожили их до начала наступления основных сил 2-ой гвардейской армии.

Гитлеровцы заметили шлюпку на середине бухты и открыли ураганный огонь. Лодку от тяжелых столбов воды, поднимавшихся со всех сторон, кидало, как щепку.

Гвардейцам повезло, и через несколько минут отчаянной работы веслами они оказались уже в непростреливаемом из-за крутого берега пространстве, а вскоре шлюпка уткнулась носом в бревна причала.

Быстро выбравшись на берег и выгрузив коробки с патронами и ящики с гранатами, командир группы и его бойцы осмотрелись.

Вдоль берега шла железнодорожная ветка, на одном из путей стояло несколько разбитых вагонов. Впереди чернела глубокая воронка от тяжелой авиабомбы, а слева высокой грудой лежали железнодорожные шпалы.

Бойцы Висовин и Соценко заняли позицию возле них, Дубинин с Романовым – у вагонов на путях, а сам лейтенант Земков и молодой боец Санин залегли у края воронки, установив между камнями ручной пулемет.

Немцы выскочили прямо на позицию Земкова. Очередь лейтенанта из ручного пулемета и автоматные – Дубинина и Висовина с флангов уничтожили более десяти фашистов сразу.

А потом началось то, ради чего замышлялся десант: немецкие пушки и минометы открыли по гвардейцам такой плотный огонь, что разрывы снарядов и мин слились в сплошной грохот.

Вжавшиеся в землю десантники заметили вспышки орудийных выстрелов с нашего берега – заработала артиллерия 2-ой гвардейской армии, начавшая бить по вражеским позициям.

Когда немецкий артобстрел закончился, на склоне высоты показались гитлеровцы. Их было не меньше роты. Атаку пришлось отбивать гранатами. Потом был второй, не менее жестокий, артобстрел – и третья атака. Еще артобстрел – и четвертая атака. И каждый раз, оставляя на склоне высоты десятки убитых, гитлеровцы отползали обратно.

Почти все десантники были ранены. Во время второго артобстрела засыпало землей и контузило Ивана Дубинина и Якова Романова.

Десантники должны были продержаться полтора часа. Они продержались три...

Когда к месту боя десанта Земкова, переправившись почти без потерь, подошли гвардейцы 70-го полка, они обнаружили только одного живого Ивана Дубинина.

Самый опытный из десантников, разведчик Дубинин ненадолго пережил своих друзей. Вечером того же дня, 9 мая, в одном из последних боев с гитлеровцами, оставлявшими Севастополь, Иван погиб.

Всем членам десантной группы: Александру Земкову, Якову Романову, Константину Висовину, Александру Соценко и Ивану Дубинину указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

_____ Легенды и были земли Покровской

Уже после войны стало известно, что командир группы, лейтенант Земков, в последней атаке контуженный, без сознания, был захвачен в плен, откуда вскоре бежал и воевал вновь. Благодаря командиру группы и стали известны подробности того героического боя за Севастополь 9 мая 1944 года.

Украинцы Висовин и Соценко, русские – Романов и Дубинин (первый – из Ростовской области, второй – с Орловщины) отдали свои жизни за освобождение русского города Севастополя и спят теперь вечным сном в братской могиле в селе Фруктовое – рядом с городом воинской славы.

Уроженец села Никольское Покровского района Иван Владимирович Дубинин не дожил до своего 30-летия двух недель.

В Никольском, на родине Героя, его имя золотом выбито в списке 200 односельчан, погибших на фронтах Великой Отечественной.

Иван Дубинин – один из четырех орловчан, Героев Советского Союза, чьи имена навечно внесены в списки воинских частей.

Тогда им было восемнадцать... (воскресший под Мемелем)

В январе 1945 года в Восточной Пруссии перешли в наступление войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Нужно было отсечь восточно-прусскую и восточно-померанскую группировки немецких войск, прижать их к морю и уничтожить.

В Восточной Пруссии, гнезде германского империализма, фашисты построили мощную систему оборонительных укреплений, надеясь удержаться на этих рубежах, и сражались ожесточенно, постоянно переходя в яростные контратаки.

Десятого января на участке 234-го полка 179-ой стрелковой дивизии немцы бросили в наступление около 60 танков и бронетранспортеров и свыше батальона пехоты. Здесь, на узкой полоске шириной в полтора километра, гитлеровцы пытались смять наши войска.

Первым удар принял на себя расчет станкового пулемета, находившийся в боевом охранении. В состав расчета входили три человека под командованием младшего сержанта Мальцева Дмитрия Павловича. Три пулеметные ленты, несколько гранат – таким был боезапас.

«Ребята, – сказал Мальцев Рывкину и Кононюку. – Танки пропустим, заляжем на дно окопа, а пехотуотрежем огнем». Так и решили. И когда огнедышащие «пантеры» и «тигры» приблизились, все трое крепко вжались в чужую холодную землю.

Танки прошли, лишь осыпалась земля.

И тогда поднялись со дна окопа трое 18-летних парней, двое русских и один украинец, залегли за пулеметом и открыли огонь по зеленым и черным фигурам, приближавшимся к окопам. Первую атаку они отбили, заставили гитлеровцев залечь.

Тогда фашисты пустили вдоль траншеи, по обеим сторонам ее, два бронетранспортера, на каждом из

Легенды и были земли Покровской

которых было по десятку солдат. Мальцев хрипло скомандовал: «Ложись!». Трое буквально вжались в искрошенную пулями землю. Фашисты, сидевшие на бронетранспортерах, поливали из автоматов каждый метр окопа. Но троим повезло: никто из них даже не был ранен.

Бронетранспортеры медленно проползли через их позицию. «Огонь!» – прокричал Мальцев, и немцы, как горох, посыпались с машин, некоторые падали и уже не вставали.

Но через несколько минут вновь поднялись в атаку залегшие было гитлеровцы, а третья патронная лента уже на исходе. «Все, сержант, патронов нет», - сказал Рывкин. Гранаты на какой-то совсем короткий промежуток времени остановили осатаневших фашистов. У ребят – ни одного патрона. Оставались только кулаки. Они вытащили замок из пулемета, достали свои документы и закопали все это на дне окопа. Разъяренные немцы вытащили их на бруствер окопа, поставили спиной к нему. Два унтер-офицера с расстояния в пять метров расстреляли троих 18-летних советских ребят.

Словно раскаленной проволокой проткнуло грудь Мальцеву чуть выше сердца, и он упал, обливаясь кровью. Когда младший сержант начал приходить в сознание, он ослабшим голосом спросил: «Есть кто живой?».

Один из двух расстрелянных также остался жив. Очень спешили немцы. Поэтому и не стали «проверять» троих повторными выстрелами.

Наступила ночь. Они кое-как перевязали друг друга и двинулись искать своих. Но в темноте, видимо, перепутали направление и у небольшого моста наткнулись на гитлеровцев. Мальцев с товарищем пытались спрятаться под мостом, но фашисты заметили их, грубо выдернули из укрытия и хотели тут же расстрелять. У Мальцева хватило самообладания сказать, что их расстреливали уже свои якобы за попытку перейти к немцам.

Тогда фашисты, отступая, погнали их с собой. В Мемеле (Клайпеде) погрузили на транспортный корабль,

Александр Полынкин

отправлявшийся в Кенигсберг. Оттуда Мальцева переправили в концлагерь, километрах в 40 от города. Из этого лагеря 6 марта 1945 года Дмитрий Павлович был освобожден нашими войсками.

Пробыв свыше месяца в госпитале, Мальцев снова попал на фронт. Он стал телефонистом 99-го гвардейского стрелкового полка на 3-м Белорусском фронте.

20 апреля в районе Балтийской косы Дмитрий Павлович был ранен сразу несколькими осколками, два из которых (в голове и щеке) так и остались до конца жизни. Младший сержант частично потерял зрение и слух, но, несмотря на это, еще сумел прослужить в армии после выздоровления до 1950 года.

Летом 1945 года много повидавший солдат побывал дома, в деревне Теряево Покровского района. Можно представить, какая эта была радость для его матери Евдокии Герасимовны, которая уже получила похоронку на сына. После демобилизации Дмитрий Павлович долгое время работал трактористом в колхозе «Россия», отлично трудился, не одну благодарность заслужил. К сожалению, несколько лет назад ветеран умер.

Слава и ее кавалер

Чтобы вполне оценить труд сапера на войне, надо, по крайней мере, представить себя красноармейцем за несколько минут до наступления. Как ты себя будешь чувствовать, если знаешь, что, поднявшись из укрытия, натолкнешься вначале на проволочные заграждения высотой более чем по пояс, затем тебя ожидает поле, засеянное противопехотными и противотанковыми минами. За этим полем последует проволочное заграждение, такое же, как первое. После него – опять минное поле.

Если ты сумеешь преодолеть эти преграды, встретишь третью линию проволочного заграждения – спиральную проволоку Бруно. Это густая бесконечная колючая спираль диаметром около метра, намотанная на деревянные козлы. Проволока скручена кругами, и, когда режешь ее, она распускается, как пружина, запутывая уже прорезанные бреши и лазы.

Ты сумел преодолеть и эту спираль, видишь перед собой насыпь немецкого окопа, но если безоглядно ринешься к нему, то обязательно наткнешься на еще одно скрытое препятствие – спотыкач. Это тоже проволочное заграждение, на кольешках высотой по щиколотку, так что его почти не видно в траве. Он опасен тем, что встречается в самом неожиданном месте – и перед окопами, и на минных полях.

Ты уже представил себе атаку, читатель? Тебе еще не страшно?

Так вот, первыми бойцами, преодолевшими укрепленную полосу обороны противника, всегда становились саперы. Именно им предстояло за несколько минут до начала наступления прорезать проходы в проволочных заграждениях и разминировать минные поля.

Одним из таких саперов в годы Великой Отечественной войны и был наш герой – полный кавалер орденов Славы Иван Максимович Черкасов.

Крестьянский парень из села Трубицыно Покровского района, после семилетки он уехал на Украину, где многие из его земляков уже работали шахтерами.

После полугода обучения в ФЗО, в 16 лет Черкасов начал работать проходчиком на шахте № 5 в г. Чистякове Донецкой области. Только-только появились здесь врубовые машины, и молодой шахтер за короткое время освоил одну из них. Многие удивляло крестьянского парня в шахте – штреки и штольни, большая глубина, вагонетки, лошади, годами жившие под землей.

Постепенно втянулся Иван Черкасов в новое для него дело, от старых мастеров опыта поднабрался. Да тут война началась.

Эвакуировали шахтеров из Донбасса в августе 1941 г. Так оказался Иван почти в родных местах – в Ельце, откуда, несмотря на молодость (лишь 18-й год шел парню), призвали Черкасова в Красную Армию.

Так началась военная служба. 181-й запасной стрелковый полк, 533-й отдельный саперный батальон, 12-й отдельный саперный десантный батальон и, наконец, 116-й отдельный саперный батальон – в этих воинских частях служил и воевал покровский уроженец.

«Судьба берегла его для необыкновенного», - сказал кто-то из писателей об одном из своих персонажей. В полной мере эти слова можно отнести к Ивану Максимовичу Черкасову. Да, судьба берегла его. Еще не дойдя до фронта, повстречался сапер лицом к лицу со смертью, да мимо она прошла, лишь ледяным дыханием опалила. А было это под Ливнами, на реке Сосне, где во время начавшегося весной 1942 года ледохода Черкасов с товарищами взрывал лед, пытаясь спасти от разрушения временный железнодорожный мост, стоявший на деревянных опорах. После нескольких взрывов эти опоры не выдержали, и мост рухнул вниз вместе с саперами. Многие из взрывников погибли, а чудом спасшегося Черкасова сняли со льдины подоспевшие с берега однополчане.

Легенды и были земли Покровской

Во второй раз смерть напомнила о себе уже летом 1943 года, при форсировании Неручи. Пришлось тогда Ивану на пару с товарищем разминировать огромное минное поле рядом с рекой. Первая, вторая, пятая – сколько их, проклятых мин, вынули из земли уже начавшие дрожать от усталости и напряжения руки – они сбились со счета.

Вот и берег Неручи рядом, да раздался вдруг негромкий хлопок, на который оба успели среагировать – упали лицом вниз. Это сработала немецкая противопехотная шрапнельная мина, прозванная нашими бойцами «лягушкой» за ее способность подпрыгивать на высоту более метра, а уж потом взрываться, разбрызгивая во все стороны несколько сот смертоносных свинцовых шариков.

Кто из двоих зацепил растяжку мины – они так и не поняли, но смерть прошла над их головами. Лишь один из шариков впился в правую ногу Черкасову (кстати, до сих пор шарик так и сидит в ноге – вот уже 60 с лишним лет). А шедший сзади в двадцати шагах третий сапер среагировать не успел – картечью, как косой, разрезало его на две половины. Пришлось при его похоронах класть в братскую могилу отдельно верхнюю и нижнюю части туловища.

Провела судьба Ивана благополучно через деревни и села родной Орловщины (освобождать которую ему пришлось зимой и летом 1943 года), через Брянщину, Белоруссию, Польшу. Больше десятка только крупных мостов довелось возводить под сильнейшим огнем противника саперу Черкасову, организуя переправу пехоты, артиллерии и танков на вражескую территорию. А сколько мин разминировали сам Иван и его 1-е отделение 1-го взвода 1-й роты 116-го отдельного саперного батальона, он не считал. Но несколько тысяч, точно.

Командир батальона, майор Плотников, ценил Ивана Черкасова, ставил его отделение в пример и отправлял на самые трудные и ответственные задания. Одним из таких было проведение разведки боем на границе Новосильского и Залегощенского районов, когда сержант Черкасов

со своими бойцами сумел незаметно проделать проходы во вражеских позициях, ворвался в немецкие окопы и взорвал один из очень досаждавших нашим войнам дотов. Все отделение благополучно вернулось к своим, Черкасову за мужественные и умелые действия вручили орден Красной Звезды.

Главными же наградами сапера Ивана Черкасова стали ордена Славы. Все они были им получены за умелую организацию переправ через большие реки. Первой из них стала река Сож (крупный приток Днепра), на которой стоит город Гомель. Отделение Черкасова вместе с другими соорудило всего лишь за несколько часов (под непрерывным обстрелом противника) понтонный мост, который помог быстрой переправе наших войск и захвату плацдарма на вражеском берегу.

За умелую организацию переправы через Вислу в Польше (южнее Варшавы, на знаменитом Сандомирском плацдарме), где Черкасову пришлось строить настоящий деревянный мост на опорах, он удостоился ордена Славы второй степени. А за форсирование Одера в апреле 1945 года сапер Черкасов получил и высшую, первую, степень почетнейшего солдатского ордена, став его полным кавалером.

Войну старший сержант закончил в Берлине, за участие в штурме которого он был награжден медалью «За взятие Берлина».

Так получилось, что 9 мая 1945 года война для Черкасова еще не закончилась – его в числе других направили на Дальний Восток – громить милитаристскую Японию.

Как одному из самых лучших воинов 41-й стрелковой дивизии орденосцу доверили участвовать в Параде Победы 24 июня.

В августе 1945 года старший сержант освобождал от японских самураев Курильские острова и Южный Сахалин. На Дальнем Востоке закончилась наконец-то для Ивана Максимовича Черкасова Вторая Мировая война.

_____ Легенды и были земли Покровской

Тяжелый груз ее, грязь, пот и кровь он смыл как будто, искупавшись в одном из горячих минеральных источников на острове Кунашир. «Как заново родился», – вспоминает Иван Максимович.

Демобилизовался Черкасов из армии в 1947 году, поселился в поселке Покровском, где и живет на улице Комсомольской до настоящего времени.

Почти 50 лет отработал Иван Максимович в районном узле связи, и в его трудовой книжке только одна запись о месте работы, зато огромное число благодарностей.

Как ветеран Черкасов – постоянный гость в школах и профессиональном лицее № 11 Покровского района, где рассказывает о себе, о товарищах, о войне.

Не забывают об Иване Максимовиче районные и областные власти, вручая ему благодарственные письма и подарки к 9 мая и к 5 августа. Самый памятный из них – автомобиль «Нива», подаренный губернатором области в 1999 году.

Кроме Парада Победы 1945 года Черкасов еще дважды – в 1985 и 1995-м годах – участвовал в юбилейных парадах на Красной площади.

4 октября 2004 года заслуженный связист России Иван Максимович отметил свой 80-летний юбилей, а 9 мая 2005 года – и 60 лет Великой Победы, которая была завоевана Черкасовым и его товарищами.

Как в Покровском районе железную дорогу пытались построить

Покровский район – один из тех районов области, по территории которых не проходят железные дороги. Так уж сложилось исторически, что строившиеся во 2-ой половине 19 века дороги эти несчастливо обогнули и сам райцентр, и другие населенные пункты края.

Наши соседи – Свердловский, Залегощенский, Верховский, Ливенский, Колпнянский, Малоархангельский районы – все без исключения – вот уже более 100 лет пользуются преимуществами железных дорог для развития экономики своих регионов, а мы, покровчане, только с завистью наблюдаем, как грузится их продукция в вагоны и увозится туда, куда нужно – быстро, экономично, без многочисленных перегрузок из одного вида транспорта в другой.

Страдальцы – студенты, возвращаясь по воскресеньям на учебу в областной центр и провожая взглядом переполненные автобусы, в которые они так и не смогли втиснуться, с «черной завистью» думают: «Вот если б у нас была железная дорога – никаких проблем и никаких мучений мы не имели бы: в поезде всегда несколько вагонов, в каждый из которых может вместиться народу больше, чем в любой автобус».

Руководители сельхозпредприятий, вынужденные во время каждой уборочной отправлять десятки водителей в трудные рейсы на чужие элеваторы, всякий раз мечтали: «Как хорошо было бы иметь свое зернохранилище!» Но их хрустальные мечты рушились уже второй мыслью: «Нет элеваторов без железной дороги».

В общем, каждый покровчанин хоть раз, да говаривал: «Эх, ну почему у нас нет...?»

Вероятно, нечто похожее, но с разными нехорошими эпитетами в адрес глупых русских, вырывалось из глоток

Легенды и были земли Покровской

фашистских вояк, когда они познали на собственных шкурах все прелести российского бездорожья на примере оккупированных ими поздней осенью 1941 года Покровского и Дросковского районов.

Устанавливая свой «новый порядок» и желая как можно быстрее и надежнее вывозить в Германию добро, отобранное у покровчан, немецкое начальство зимой 1942 года решило построить железнодорожную ветку там, где ее никогда не было – от поселка Колпна до станции Змиевка. Большая часть этой дороги должна была проходить по территории как раз Покровского района.

Если посмотреть на современную карту Орловской области и провести прямую линию от Колпны на Змиевку, то она пройдет между двумя существующими в настоящее время шоссейными дорогами: Колпна – Дросково – Покровское – Змиевка и Колпна – Малоархангельск – Глазуновка – Змиевка.

Именно так (правда, не совсем по прямой) и должна была пройти железная дорога, задуманная немецкими транспортниками. Общая ее длина составила бы 70 километров, и чуть меньше половины из них приходились на территорию Покровского и Дросковского районов (эти районы существовали самостоятельно вплоть до 1962 года).

С конца апреля 1942 года вдоль намеченной дороги началась работа. Все трудоспособные взрослые жители и подростки 15-18 лет под присмотром старост и полицейских каждое утро являлись к отмеченному полотну и получали от гитлеровских инженеров лопаты и норму на день.

Чтобы выполнить эту норму, нужно было ударно потрудиться не менее 10 часов с коротким перерывом.

В зоне железной дороги в нашем крае оказались населенные пункты Топки, Лутовиново, Соединитель, Верхососенье. И почти шесть месяцев весны, лета и осени 1942 года население этих сел и деревень до кровавых мозолей трудилось на постройке железнодорожной насыпи, дос-

тигавшей 10 метров в ширину и около трех метров в высоту (на низменных участках).

Иногда приходилось, по планам немецких строителей, наоборот, углубляться в землю там, где холмы были чересчур высоки для железнодорожного полотна.

На территории Покровского района – от его границы с Колпнянским до выхода из села Верхососенье, то есть примерно на протяжении 15 километров, к зиме 1942-43 г.г. земляная насыпь была почти полностью готова. Через ручей Топкий Ржавец (у деревни Ломатовка) и через реку Сосна (в центральной части Верхососенья) немецкие саперы перебросили два капитальных, металлических моста. Начался и завоз шпал, да помешала начавшаяся зима.

А уже в феврале 1943 года большая часть Дросковско-го и Покровского районов была освобождена от фашистов в ходе нашего наступления, развернутого войсками 48-й Армии в направлении на Змиевку.

Так немецкие замыслы по строительству дороги Колпна – Змиевка оказались похороненными. А нашим солдатам и местным жителям – тогда, сразу после освобождения, было не до этой немецкой дороги, тем более, что воспоминания у покровчан о труде на ее строительстве остались не самые лучшие.

И потому уже до лета 1943 года мосты были разобраны. Металлические части потребовались военным, а деревянные пошли на дома местным жителям. А вот железнодорожная насыпь местами видна и сейчас, спустя уже 60 с лишним лет.

Особенно хорошо заметна та часть, что выходит к реке Сосне в центре села Верхососенья – там, где был когда-то второй мост.

А в остальном о первой попытке строительства железной дороги на территории Покровского района остались только воспоминания. Ими и поделились со мной некоторые старожилы района, в частности, Николай Прокофьевич Касьянов (он живет рядом с той немецкой несос-

_____ Легенды и были земли Покровской

тоявшейся дорогой, на самой окраине села Верхососенья) и Александра Матвеевна Леонова из села Федоровка.

В 70-80 годы 20-го века по поводу строительства очень нужной Покровскому району «железки» было много разговоров, но до дела так и не дошло.

К началу 90-х наметился сдвиг в решении вопроса, согласовали все вроде бы даже с Москвой. Железнодорожная ветка длиной около 40 километров должна была пройти от станции Русский Брод до райцентра Покровское.

Радостные слухи распространились тогда по району, но наступил 1991 год – рухнул Советский Союз. В 92-ом, как и после освобождения, уже стало не до железной дороги.

А как бы она нам сейчас пригодилась!

Как в Покровском районе каучук производили (история одной неудавшейся компании)

Представь себе, уважаемый читатель, холодный, но солнечный (с небольшим утренним морозцем) день второй половины октября 1951 года.

Представил?

А теперь представь себя в этот день на краю ровного, без всяких склонов и западин, чистого, отпаровавшего и глубоко, с предплужниками, вспаханного поля площадью окло десяти гектаров.

На этом поле, подготовленном к «подзимнему» севу в одном из колхозов на юго-западе Орловской области, уже проведены деревянным ручным маркером борозды (с расстоянием между рядами в 60 сантиметров).

Идут на каждой борозде четыре женщины. Первая обычной заостренной палкой делает лунки на глубину одного-полутора сантиметров. Другая из подвешенного на шею холщового мешка достает семена и сеет их через специальную, слегка похожую на граммофонную, трубу, стараясь точно угодить в сделанную первой колхозницей лунку.

Третья и четвертая женщины идут следом. Одна из них в плотной, сплетенной из соломы корзине, несет перегной, а другая этим перегноем засыпает лунки с уже брошенными в них семенами.

Не догадался еще, читатель, что же сеют эти колхозницы?

Впрочем, даже если ты агроном, но лет тебе меньше 70, вряд ли ты поймешь, о какой сельскохозяйственной культуре, выращивавшейся на Орловщине в начале 50-ых годов, идет речь. Слишком короткой по времени была та неудавшаяся эпопея, и даже те, кто видел кок-сагыз, успели забыть о нем (я расспрашивал многих ветеранов, и с трудом они, после моего уже разъяснения, вспоминали: «Да, действительно, сеяли»).

Легенды и были земли Покровской

«Кок-сагыз – многолетнее травянистое растение семейства сложноцветных, имеет стержневой корень, розетку листьев и цветочные стрелки с соцветиями – корзинками. Распространен во внутренних межгорных долинах Тянь-Шаня». (Эта цитата – из статьи в Большой Советской энциклопедии, Т. 12, страница 400).

«Кок-сагыз – один из видов рода одуванчик» (это, короткое, определение – из Советского и Российского энциклопедических словарей).

Уже с 30-ых годов XX века кок-сагыз пытались одомашнить и в отдельных регионах СССР начали выращивать как техническую культуру, необходимую при производстве резины.

Дело в том, что этот среднеазиатский одуванчик – как и бразильская гевея – натуральный каучуконос. Правда, в отличие от гевеи, кок-сагыз содержит каучук не в стволовой части, а в млечных сосудах корня.

В 30-е годы Советский Союз испытывал большие проблемы при изготовлении резинотехнических изделий. Каучук был стратегическим сырьем, и приобрести его наша страна могла только за дефицитную валюту. Советские ученые бились над проблемой создания искусственного каучука, и в 1932 году С.В. Лебедев впервые в мире осуществил синтез натрий-бутадиенового каучука, но наладить его промышленное производство в необходимых масштабах не удалось в силу целого ряда технических трудностей.

Вот и пришлось обратиться – как к возможной альтернативе – выращиванию кок-сагыза с целью переработки его для получения натурального каучука.

В послевоенный же период, особенно в условиях начавшейся «холодной войны» приобретение каучука (даже за валюту) за границей стало настоящей «зубной болью» для сталинского руководства.

И поэтому с конца 40ых годов, наряду с преобразованием природы, был взят курс на получение максимального количе-

ства натурального каучука за счет внутренних ресурсов.

Этими внутренними ресурсами оказался тот же, довоенный среднеазиатский одуванчик-каучуконос.

Сталин сказал: «Надо!»; а партия и народ ответили – «Есть».

И вот как началась в нашем крае кок-сагызная эпопея – короткая, но бурная и нервная.

31 января 1950 года начальник Орловского областного управления сельского хозяйства издает приказ о переводе одного из агрономов каждой МТС области на должность агронома – каучуковода.

С 10 по 16 февраля 1950 года в Москве состоялось всесоюзное совещание по проблемам каучуководства, на котором присутствовали все директора и старшие агрономы машинно – тракторных станций Орловщины.

Возвратились они на родину сильно озабоченные: выполнить очередное задание партии было ой как непросто, потому что выступавшие на совещании ученые – каучуковеды объяснили практикам с Орловщины, как надо выращивать кок-сагыз по науке, но ни слова не сказали о сопутствующих новому делу сложностях.

Согласно технологии, перед севом кок-сагыза предстояло внести в почву азотные, фосфорные, калийные удобрения из расчета 4 центнера на гектар, но директорам и агрономам МТС не объяснили, а где взять эти самые минеральные удобрения.

По той же технологии, семена необходимо было перед посевной держать в снегу, а как и где брать этот снег без холодильников, ученые опять-таки не показали.

Поэтому сеяли кок-сагыз колхозники, как обычно сеют зерновые, не обращая внимание на отсутствие удобрений и снега – но все же с лунками, посевными трубами и перегноем (где он был, а чаще его не было, и поэтому семена просто присыпали землей).

Колхозы начала 50ых годов были небольшими, и число гектаров, отведенных в них под новую техническую

_____ Легенды и были земли Покровской

культуру, было тоже небольшим – от 20 до 30 гектаров. Но за всеми предстояло тщательно ухаживать.

Как только кок-сагыз вылезал из земли и достигал 3-5 сантиметров, его посеы нужно было обязательно прополоть и провести междурядную обработку (конечно, вручную).

Однако самое страшное начиналось тогда, когда наступало время сбора семян кок-сагыза. Поскольку отдельные растения (как хлопок) не одновременно зацветают и постепенно вступают в плодоношение, сбор его семян затягивается на месяц и более.

Нельзя было допускать полного раскрытия корзинок кок-сагыза, т.к. семена его в это время легко унес бы ветер, и поэтому сборщикам приходилось по одним и тем же посевам собирать семена 2-3 раза в день.

Обычно 4-6 человек с мешками через плечо (чтобы работать сразу двумя руками) собирали кок – сагызные семена на одном гектаре посевов. Потом собранную продукцию складывали под навес для просушки, и, перемешивая вручную 3-4 раза в день, ждали, пока листочки корзинок сделаются хрупкими и ломкими. Только тогда считалось, что процесс обработки семян солнцем закончен.

Как думаешь, читатель, хватало ли терпения и настойчивости покровскому крестьянину – колхознику заниматься в течение всего лета новой технической, очень трудоемкой, культурой – и без видимого ему конкретного результата?

Ответ очевиден – а ведь я еще не рассказывал о завершающей стадии, о том, как вынимали из земли тот самый каучуконосный корень, ради которого все и затевалось.

Если ты, читатель, выкапывал когда-либо морковку на собственном участке, процедуру с кок-сагызом можешь представить, только не забудь, что сделать это надо было в каждом колхозе на площади в 20-30 гектаров.

А теперь несколько конкретных данных. В Дросковском районе на 1951 год было запланировано засеять кок-сагызом 279 гектаров в 12 колхозах.

С трудом, но посевную компанию провели во всех колхозах. Прополку и междурядную обработку в половине колхозов проигнорировали. Сбор семян кок-сагыза по-настоящему попытались (именно попытались!) организовать только в двух хозяйствах, а уборку корней едва начали, но не довели до конца ни в одном из колхозов. Так что труд на всех 279 га пошел насмарку.

Похоже обстояло дело и в соседнем Покровском районе. Районная газета «За коммунизм» во второй половине 1951 года неоднократно обращалась к вопросам выращивания кок-сагыза:

«В колхозе им. Буденного уходу за посевами этой ценной культуры не уделялось внимания. Посевы потравлены птицей и скотом «и гибнут».

«В колхозах «14 октября» и им. Ленина посевы заросли сорняками, на них бродят гуси и телята».

«В колхозах Липовецкого сельсовета крайне медленно проводят шаровку и прополку кок-сагыза, за звеньями он не закреплен».

«В Ретинском сельском совете «школьники не принимают участия в сборе семян...»

Неоднократно устраивались районные совещания (от области требовали, и область требовала) с обсуждением вопросов кок-сагызоразведения – но без особых результатов.

Часть председателей колхозов, агрономов, подавляющее большинство колхозников применили тактику – «Возражать опасно, но и делать по-настоящему не обязательно, потому что «Не наша эта культура, не нужна она нам!».

Не помогали и грозные приказы по управлениям сельского хозяйства и по МТС, в которых, называя кок-сагыз «государственной культурой», начальство наказывало председателей колхозов и агрономов, то приказывая перепахать плохо подготовленные пары за свой счет, то штрафуя их материально за сорняки, за неподготовленный сбор семян и т.д. и т.п.

_____ Легенды и были земли Покровской

Небольшую часть трудоемких работ на посадке стали осуществлять с помощью тракторных (СКМ-12) или конных (СКМ-4) сеялок, но в целом это незначительно повлияло на весь процесс: не хотели рядовые председатели, агрономы и колхозники признавать кок-сагыз своим растением.

В районных газетах за 1953 год эту, бывшую «государственную» культуру, совсем перестали упоминать. Умер Сталин и вместе с ним умерла идея получить натуральный каучук в СССР из собственного сырья.

Правда, к этому времени подоспела и помощь наших ученых: им наконец-то удалось наладить производство синтетического каучука в больших масштабах, вполне удовлетворяющих промышленность.

Короткий период кок-сагыза на Орловщине, как и во всем СССР, закончился, а к середине 50ых годов он сменился уже эпохой кукурузы.

Детище Хрущева оказалось более живуче, а о сталинском кок-сагызе помнят сейчас только специалисты.

Но это – частичка нашей истории, ее-то мы и вспомнили, читатель!

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ ДЕЛЕ

(история колхозницы Марии Некрасовой)

Первого августа 1951 года в Дросковский районный суд поступило для рассмотрения «Дело № 1-41» по обвинению Некрасовой Марии Григорьевны по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 года. Дело было назначено к слушанию 2 августа и рассмотрено в тот же день.

В деле содержится всего лишь шесть небольших документов, шесть разноцветных страничек, но на них разместилась судьба одного человека. Мы процитируем эти документы полностью, без всяких комментариев – пусть читатель сам сделает вывод о справедливости судебного решения.

Документ №1

Заявление
в народный суд Дросковского
района от 16 июля 1951 года.

«В народный суд (так в оригинале) Дросковского района от правления колхоза им. Ильича Верхососенского с/совета.

Заявление

Просим народный суд привлечь к ответственности колхозницу Некрасову Марию Григорьевну за невыработку обязательного минимума трудодней в колхозе за 1-ый период 1951 года.

Приложение: выписка протокола заседания правления колхоза; справка с/совета о составе семьи; справка правления колхоза о количестве выработанных трудодней.

*Председатель колхоза Коротких
Счетовод Генерозов
16.07.1951 года»*

(*Первое примечание.* Прямо по тексту этого заявления – размашистая запись: «Завести дело и предать суду

Легенды и были земли Покровской

Некрасову Марию Григорьевну по указу от 15 апреля 1942 года, назначить слушание на 2 августа 1951 года» – и чья-то подпись).

Документ №2

Выписка из протокола №10 заседания правления колхоза им. Ильича Верхососенского с/совета Дросковского района Орловской области от 25 июня 1951 года.

Присутствовали: члены правления колхоза Коротких Ефим Егорович, Жестовский Василий Андреевич, Герасимов Максим Егорович, Головина Анастасия Ильинична, Герасимов Иван Дмитриевич.

Приглашенные: счетовод колхоза Генерозов М.А., предревкомиссии Булатов Дм. Гав., Кочетова Вал. Ник., учетчик трудодней, член ревкомиссии Кривоногих Ил. Мат., кузнец Дружинин Ник. Мих.

*Председатель заседания
Коротких Ефим Егорович.*

*Секретарь –
Генерозов Михаил Алексеевич.*

Повестка дня:

1. Обсуждение отчета о выполнении обязательного минимума трудодней членами колхоза за 1-ый период 1951 года.
2. Слушали:

По 1-му вопросу счетовода колхоза Генерозова, который сказал, что по отчету о выполнении обязательного минимума трудодней членами колхоза за 1-ый период 1951 года значится не выработавшей минимума трудодней колхозница Некрасова Мария Григорьевна, которую нужно обсудить и вынести соответствующее решение.

Постановили:

Единогласно колхозницу Некрасову Марию Григорьевну за невыработку минимума трудодней в колхозе за 1-ый период 1951 года привлечь к судебной ответственности.

*Председатель – Коротких.
Секретарь – Генерозов.*

Документ №3

Справка от 8 июля 1951 года.

Выдана Верхососенским с/советом гражданке Некрасовой Марии Григорьевне в том, что ее семья состоит из семи душ:

1. Некрасова Елена Григорьевна, глава семьи. 1905 г.р.
2. Некрасова Мария Григорьевна, сестра, 1911 г.р.
3. Некрасова Нина Петровна, 1930 г.р., на производстве.
4. Некрасова Лидия Михайловна, племянница, 1938 г.р.
5. Некрасов Владимир Михайлович, племянник, 1944 г.р.
6. Некрасов Егор Григорьевич, брат, 1916 г.р., на производстве.
7. Некрасов Дмитрий Григорьевич, брат, 1913 г.р., на производстве.

Что удостоверяем:

Пред. с/совета.

Секретарь (подписи неразборчиво).

(Примечание второе. Из перечисленных семи человек два брата подсудимой Некрасовой и ее племянницы работали где-то на производстве, а фактически в селе проживали Елена Григорьевна Некрасова и Мария Григорьевна Некрасова со своими двумя детьми – Лидией и Владимиром).

Документ №4

Справка от 16 июля 1951 года.

Выдана правлением колхоза им. Ильича Верхососенского с/совета Дросковскому нарсуду в том, что колхозница Некрасова Мария Григорьевна обязана была выработать в колхозе с 1 января по 15 июня 1951 года 30 трудодней, а выработала – ничего, что удостоверяется.

Председатель колхоза – Коротких.

Счетовод – Генерозов.

Документ №5

Протокол судебного заседания по делу.

2 августа 1951 года народный суд Дросковского района Орловской области в составе председательствующего

_____ Легенды и были земли Покровской

нар. судьи Швындиной, народных заседателей Пятина и Теряевой при секретаре Ениной разбирали в открытом судебном заседании дело по обвинению Некрасовой Марии Григорьевны по указу от 15 апреля 1942 года.

Явились: обвиняемая Некрасова Мария Григорьевна. Председательствующий устанавливает самоличность подсудимой.

Я, Некрасова Мария Григорьевна, 1911 года рождения, уроженка и жительница с. В-Сосна, В-Сосенского с/совета Дросковского района Орловской области, русская, малограмотная, беспартийная, замужняя, имеет (так в тексте) двух человек детей в возрасте от 13 до 7 лет, ранее, со слов, не судима.

Председательствующий разъяснил подсудимой ее права в судебном заседании, после чего объявляет состав суда и разъясняет права отвода. Отвода не заявлено, ходатайств не заявлено. Суд приступает к судебному следствию. Зачитан материал обвинения. Председательствующий разъяснил подсудимой предъявленное ей обвинение по указу от 15 апреля 42 года, спросил, признает ли она обвинение правильным.

Подсудимая – Некрасова Мария Григорьевна – виновной себя не признала и по делу в 1-ом периоде сельхозработ 1951 года установленный минимум трудодней я не выработала, так как я болела пороком сердца. Документа о болезни я не имею, так как я этого документа в больнице не требовала.

Кроме этого, я часто ходила на лечение в больницу, но от работы меня не освобождали. В настоящее время я обязуюсь работать в колхозе только по своей возможности.

Судебное следствие ничем не дополнено.

Судебное следствие окончено.

В последнем слове подсудимая Некрасова Мария Григорьевна ничего не сказала. Суд удалился в совещательную комнату для вынесения приговора.

Приговор зачитан. Председательствующий, разъяснив срок и порядок обжалования приговора, объявляет заседание по данному делу закрытым.

*Нарсудья Швындина.
Секретарь Енина.*

(Примечание третье. Судя по протоколу судебного заседания, ни прокурор, ни адвокат на нем не присутствовали. Суд не пригласил никого из свидетелей. Суд не сделал запрос в Дросковскую больницу, посчитав это, наверное, излишним, никого из врачей на судебном заседании не было).

Документ №6 (последний)

Приговор.

Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

2 августа 1951 года народный суд Дросковского района Орловской области в составе – председательствующего нарсудьи Швындиной, народных заседателей Пятин и Теряевой при секретаре Ениной, рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению Некрасовой Марии Григорьевны, 1911г. рождения (далее чуть сократим повторяющиеся о ней данные), установил:

Обвиняемая Некрасова, являясь членом с/артели им. Ильича В-Сосенского с/совета, в 1 период с/х работ обязана была выработать минимум 30 трудодней, но последняя ни одного трудодня не выработала.

Обвиняемая виновной себя не признала и пояснила – больна, тогда как документов о болезни не имеет. Суд считает преступление обвиняемой доказано, а поэтому, руководствуясь ст. 319-320 УПК,

Приговорил

Некрасову Марию Григорьевну по Указу от 15 апреля 1942 года подвергнуть исправительно-трудовым работам по месту работы сроком на шесть месяцев с удержанием 20% в пользу колхоза. Приговор может быть обжалован в облсуде.

Нарсудья Швындина.

Нарзаседатели Пятин, Теряева.

(Примечание четвертое и последнее. Вся процедура судебного заседания, включая совещание и чтение приговора, заняла 30 минут).

Один день и вся жизнь Александры Гревцевой

5 мая 1961 года в СССР началась борьба с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни. Через пятьдесят дней Дросковская районная газета начала разговор о передовиках сельскохозяйственного производства: был опубликован материал о колхознице Александре Гревцевой, отличившейся на прополке сахарной свеклы.

А еще через день в Дросковском народном суде начался очередной процесс – как раз над Александрой Гревцевой - за уклонение от общественно - полезного труда и антиобщественный образ жизни.

И указ, и публикация, и судебный процесс 27 июня 1961 года оказались связаны с судьбой одной женщины – уроженки и жительницы села Вепринец Дросковского района Орловской области Александры Николаевны Гревцевой.

Ни прокурора, ни адвоката на заседании суда не было. По документам Александра Гревцева, проживавшая постоянно в этом населенном пункте с 1952 до 1961 года, в колхозе не работала и даже после предупреждения правлением колхоза и милицией о необходимости выйти на работу категорически отказалась это сделать, ссылаясь на плохое состояние здоровья. А между тем в своем хозяйстве она ухаживала за коровой, свиньями и птицей и обрабатывала 25 соток земли.

Суд заслушал одного из трех свидетелей, чьи показания имелись в деле, приобщил к документам справку дросковской райбольницы с заключением, что заболевание у А. Гревцевой – неврастения, но она трудоспособна, и предоставил слово для защиты самой подсудимой.

Очень волнуясь и опасаясь, что не сможет все объяснить суду, Гревцева защитную речь написала заранее – на

двух тетрадах в косую линейку (всего 42 страницы). Отрывки из этой речи, хранящейся в судебном деле и озаглавленной ею самой «Жизнь прошедшая и настоящая», преступницы Гревцевой Александры Николаевны мы и процитируем ниже.

«Я, Гревцева Александра Николаевна, родилась 11 сентября 1919 года в семье крестьянина-бедняка. Семилетку окончила, мне еще не было 14 лет.

Проучилась почти год на подготовительных ветеринарных курсах в Ливнах. Но на экзамены не поехала – не на что было. Уехала в 15 лет по оргнабору в Ленинградскую область, где проработала 11 месяцев.

В 1935 году вернулась домой, поступила в 8-й класс, отучилась в 9-м, а в 10-м пришлось быть два года, так как в 1933 году умерла мать. Осталось шесть детей и отец-инвалид.

В 1940 году с сестрой Машей поехала в ветеринарную школу, окончила ее, когда началась война.

Пришли немцы. У нас была передовая, и тут-то жизнь началась кувырком. Нас выгоняют из дома. Это было на Новый год, 1 января (1942 года – А.П.) с собой наша семья ничего не могла взять. Кушать надо, а где взять? Негде! С себя я продала жупан за 6 фунтов отрубей, 3 огурца и 4 штуки свеклы. Этими продуктами мы прожили пять дней, потом отдала свой шерстяной платок за 3 фунта хлеба. Осталась раздета и без платка.

Потом нашу семью погнали в другую деревню, где пришлось на немцев два раза стирать их поганое белье. Кушать и тут было нечего. Сестра Маруся еще с одной женщиной решили пробраться домой – и не вернулись. Немцы Марусю расстреляли 20 января. Остались я, отец, сестра Ольга, брат Миша и Тая, тоже сестра. Еще один брат, Алексей, был в ремесленном училище. (В 1943-м он добровольцем ушел на фронт и вскоре погиб. – А.П.)

А тут отправка в Германию. Меня вызвали. Прихожу. Стою без кофты, без платка, босая. Миша и Тая за мной следом (младшие брат и сестра – А.П.). И Оля пришла от хозяйки.

Легенды и были земли Покровской

И вот их отрывают от меня, они тянутся, держатся за мою юбку, кричат, а меня вталкивают в амбар. Слышу, кричит кто-то: «Отволоките этих чертят к отцу». (А он больной, лежал без движения. – А.П.)

Привезли нас в Германию. Собираются на другой день пузатые фермеры и начинают брать рабочую силу. И вот фермер берет нас, 150 человек, в лесу окапывать бурты картошки, там же морковь и брюква.

Однажды меня направили на машине картошку сопровождать. А тут люди голодные стоят. Одну корзину за борт им высыпала. Люди бросились на эту картошку, рвали друг у друга из рук, сбивали друг друга с ног. Ох! Что делал голод! За эту картошку получила расчет. Когда привезли ее на место, шофер что-то сказал шефу. Тот траванул собаку, собака схватила меня за ногу так, что вырвала клочок с чулком и с мясом. Повели меня в санчасть. Перевязала меня наша девушка русская. Я плакала, но она сказала: «Слезы только начинаются, еще долго плакать, еще хуже будет – увидишь». Так оно и пришлось.

Прожили год здесь. На 7 ноября (1943 г. – А.П.) нам не дали куска хлеба, который мы получали раз в сутки, а дали в слюдяных пакетах 250 г семечек подсолнуха.

На 8 ноября дали по пачке табаку. А 9 ноября дали баланду, кусочек хлеба и объявили добавочную баланду. Народ подголодал, и многие кинулись за добавкой. Пошли и мы своей комнатой все. Подходим. А там, какие близко стояли к окну, по ним пустили кипятком. Сразу накормили!

Потом нас шеф продал другому шефу. Там были 2,5 месяца, потом опять к другому шефу...

И вот я попадаю работать на завод. Забор – 2,5 м высоты, поверх его 1,5 м железные копыя, а еще поверх – проволока колючая. Железные тяжелые двери, а во дворе том наше общежитие – цементовый барак. В комнате нас 25 человек.

Холод, голод и страх – все сливалось в одно целое.

Затем меня отправили в Маниц (скорее всего, город Майнц. – А.П.). Маниц был город – его очень сильно часто бомбили. И вот меня отправляют учиться на автогенщика.

Жили на пароходе «Эльза», среди реки... только дадут тревогу, комендантша нас гонит по трапу, как овец, в бомбоубежище. А в него только загонять мышей, а не людей. Два раза нас – 16 человек – там засыпало песком.

Все пережито. По возвращении с этих курсов меня заставили варить автогеном. Но питание плохое, те, кто варил, почти совершенно ослепли. Из глаз течет, глаза покраснели и воспалились, и я решила: будь что будет, варить не буду.

Пришел шеф завода, вызвал литовца-переводчика, и они мне сказали, что меня ждет концлагерь: теперь моя жизнь должна оборваться навсегда, я обречена на смерть.

Шеф ушел, мастер стал заставлять меня варить автогеном. Я отказалась. Он меня наподдал успетком. Я ушла, стала на сквозняке, простояла шесть часов. Я много передумала, но из этих стен заводских сбежать было невозможно. К вечеру была уже температура 41,5.

Целую неделю валяюсь беспомощно. Приезжает «скопая помощь», меня грузят на носилки и увозят.

И вот девчата собирают денег 60 марок, дают мне и говорят: «Дай деньги человеку жадному, он, может, тебя выпустит». Но мне пришлось их отдать монашке, которая спасла мне жизнь. Она открывала мне рот ложкой и насильно кормила. Здоровье не улучшалось, кашель трепал два раза в сутки по три часа.

Потом хлынула кровь. Я чувствую, что-то подплывает к горлу, сразу целые пригоршни – даже на пол.

2,5 месяца пролежала. Когда выписали с лазарета, меня отправили к одному гитлеровцу-гестаповцу, тут тоже была такая жизнь – чуть не зарезал ножом. У него работать пришлось недолго...

Объявили сбор всех людей у церкви...Открыли звон колоколов, что это значило – не знаю, не объясню. Людей к той церкви все сгоняли и сгоняли. Гнали пленных всех наций...

Легенды и были земли Покровской

И вот тысячи людей были согнаны. По пути тех, кто не мог идти, убивали прикладом или пристреливали. Гнали нас в западную часть Германии. Гнали по лесу восемь суток, голодных, холодных, под дождем.

На десятые сутки остановили, окружили. Дети кричали. И вот на такую массу людей везут семь молочных баков баланды. Подвезли, народ разогнали.

Жандармы стали выливать баки наземь и потом дали команду подходить брать обед.

Женщинам с детьми давали набирать эту серую травяную массу в фартук, а вслед посылали пулю.

А потом открылся бой, держали нас в окружении. Жертв было много. И вот освободили нас американцы.

1945 год я вернулась домой 17-го числа, не помню точно – июля или августа.

Сразу я не могла устроиться работать, ноги покрылись чирьями, и я не могла на них наступать.

Когда полегчало, я завербовалась на шахту, это было в 1946 году. После войны мне пришлось много работать. Я не признавала ни трудностей, ни тяжести. Какая бы работа ни была, я любила ее. Она мне нравилась, и я работала.

Мне хотелось помочь родным – они тоже перенесли много мук. Я не считалась ни с чем, работала по две смены, лишь бы заработать.

Пришлось работать на шахте, на стройках, на болотах, на разгрузке вагонов с песком, камнем, щебнем, лесом, на дорожном строительстве.

Где бы я не работала, в числе последних не была. Я имею почетные грамоты за свой труд. А теперь заслужила скамью подсудимых.

Спрашивается: за что? За то, что здоровье мое изменило мне? Я думала, что в трудную минуту мне подадут руку по-товарищески. А меня посадили на скамью подсудимых. Называется, позаботились о человеке.

Я честно прожила свои 42 года – не украла, не ограбила, не имею ни одной судимости. У меня нет сил, что я должна делать?..

Ну отправьте меня в какую-либо кузницу, пусть из меня сделают половину человека, а половину из металла – это будет новаторство!

Значит, есть силы – работай! Нет сил – тебя стопчут, сотрут с лица земли. Нет! Это неверно! Это разве советское отношение к людям в наше время? Человека надо ценить!

А теперь брата и сестру председатель обижает. Брату обещал дом построить, а теперь говорит: «Ты разве думаешь тут жить? Тебе все равно тут не жить». Сестра же выколола 1,5 га свеклы, а жены руководителей по 40 соток, им еще и дети помогали. А сестре, если у нее никого нет, можно и 3 га свеклы дать?» (Половину этой свеклы бригадир бригады № 2 почему-то записал на Гревцеву Александру и даже рассказал об этом корреспонденту газеты «Путь к коммунизму» о хорошем ее труде – вот откуда появилась заметка в Дросковской газете от 25 июля. А уж потом бригадир пошел на попятную, обвиняя во всем саму Гревцеву. – А.П.).

А теперь заключительные слова, которые сказала в свою защиту Александра Гревцева:

«Гражданин судья! Перед вами сидит человек, который не совершил преступление. Я не нахожусь ни на колхозном, ни на государственном обеспечении, а на иждивении сестры и брата, которые честно трудятся. А я им помогаю по силе и возможности в доме.

Прошу оставить меня. Я прожила 42 года без преступлений, но не родилась я на свет со стальным сердцем и железными нервами.

Жизнь мне не дорога, прошла она не по-человечески. Никогда никому я не завидовала. Теперь только расстреляйте и положите меня вместе с родными.

Вы – люди! Я – тоже человек советской Родины с большим жизненным пережитком.

...Я написала в Москву, в ЦК партии, в Министерство здравоохранения, в Верховный Совет. Была бы копейка в кармане, яшла бы дорогу далеко. Пойти пешком не уйдешь, а уехать не на что.

_____ Легенды и были земли Покровской

Я только думаю: почему некоторые люди проживут не работавши, а если работают на руководящих работах, то пьют, тащат колхозное достояние, и все им прощается?

Есть люди, которые в войну были там, где не надо, которым мешает прошлое. А они в почете теперь, окопались, живут. И живут лучше тех, которые честно трудятся.

Жизнь, зачем ты искалечила меня, отняла здоровье, остановила на полпути мое образование, оставила меня калекой?

Сиротство, бедность, переживания, страх, голод, холод, болезни, смерть за смертью – утрата родителей, братьев и сестер (из десяти осталось трое. – А.П.).

Все это отнимало и отнимает здоровье. Я не могу врать, не могу лицемерить. Я – человек прямой». (Это были ее последние слова на суде. – А.П.).

Я не знаю, удалось ли Александре Гревцевой прочесть все написанное, ведь на это ушло бы не менее часа.

Но судья из всей горячей и страстной речи Гревцевой обратил внимание лишь на 16 строчек, подчеркнув их красным карандашом.

Подсудимой не удалось воздействовать на чувства судьи Щербинина и народных заседателей.

Постановление суда гласило: «Гревцеву Александру Николаевну из пределов Дросковского района выселить в специально отведенное место сроком на 4 года.

Постановление обжалованию не подлежит».

P.S. Александра Гревцева была выслана на Дальний Восток и там судьбу свою устроила так, что звала брата и сестру к себе, но они не решились на этот шаг. Там она и умерла.

«Пусть от вас далеко я...» (несколько слов о Дмитрие Блынском и его однофамильцах)

Наверняка многие из любителей поэзии уже по первым строчкам узнали, чьи это стихи. Да, это начало поэмы нашего земляка Дмитрия Блынского «Продолжение родословной».

В 1997 году к 65-летию поэта в издательстве «Вешние воды» вышла замечательная книга «Я полон света», в которой были опубликованы стихотворения и поэмы Дмитрия Блынского разных лет, его переводы, проза и воспоминания о нем. Вступительное слово к книге сделал Егор Семенович Строев, который сказал: «Моего земляка-современника можно по праву отнести к тем летописцам новейшей истории Отечества, чьи воистину золотые перья и в нашем веке вдохновенно воспели родную землю, свой народ и свое время».

Большой биографический материал о Дмитрие Блынском, «Слово о брате», опубликовала во вступительной статье к книге его сестра, Валентина Ивановна. Воспоминания о нем оставили друзья и знакомые Петр Гапоненко, Искра Денисова, Анатолий Елкин, Василий Катанов, Лев Ошанин, Владимир Чивилихин, Феликс Чуев, Анатолий Шилаев и Анатолий Яновский, хорошие и добрые слова сказал Петр Родичев, составитель сборника «Я полон света». Биографию Дмитрия Блынского отдельной книгой издал Владимир Пирогов.

И, тем не менее, есть еще, что сказать о нашем земляке-поэте. Ведь жизнь, даже такая короткая, как у Дмитрия, вдруг покажется нам своей неожиданной стороной, и мы удивляемся: «Как же так? А ведь мы думали по-другому».

«Дмитрий Иванович Блынский родился в семье крестьянина в д. Васютино Покровского района Орловской области 23 февраля 1932 года» – эта цитата из статьи о

поэте в биографическом словаре «Писатели орловского края» (Орел – 1981 г.).

«Дмитрий родился 23 февраля 1932 года в деревне Васютино на Орловщине в семье колхозного плотника», – это слова Льва Ошанина из его вступления к сборнику поэта «Солнечное слово» (М., «Советская Россия», 1980 г.).

«И вот 23 февраля 1932 года у молодых Блынских родился сын Митя», – это из «Слова о брате» Валентины Ивановны Блынской.

Все юбилеи поэта – его 50, 60 и 65-летие мы отмечали в соответствии с этим – 23 февраля 1982, 1992, 1997 года. А между тем замечательный орловский поэт Дмитрий Блынский успел прожить на 3 дня больше, чем мы до сих пор считали. Просто потому, что правильной датой его рождения является не 23, а 20 февраля 1932 года.

Подказала это мне Зоя Александровна Никулина, заведующая отделом ЗАГСа Покровской районной администрации, куда я частенько обращался по тем или иным вопросам краеведческого характера. Показала она мне книгу № 3 записи актов о рождении по Внуковскому сельсовету Дросковского района с 1930 по 1932 годы на 305 листах. И уже своими глазами я увидел ту самую запись № 38 от 26 февраля 1932 года, которая сообщала время рождения Дмитрия Блынского – 20 февраля 1932 года. Рядышком данные о родителях. Отец – Блынский Иван Гаврилович, 25 лет, мать – Блынская Прасковья Ивановна, 20 лет. Родители названы работающими в сельском хозяйстве.

Сведения во Внуковском сельсовете (к нему относилась д. Васютино, где жили Блынские) в акте о рождении внесены со слов отца – Ивана Гавриловича, чья подпись и подтверждается тут же.

На этой основательно потрепанной бумаге – акте о рождении – есть еще одна запись – «Повторное свидетельство о рождении выдано 24 июня 1947 года за № 306441» (это было как раз в момент отъезда Дмитрия Блынского на учебу в Федоскинское училище).

Вообще в 1932 году в д. Васютино, кроме Дмитрия, родилось еще шестеро Блынских – Валентин (15 февраля), Татьяна (16 февраля), Евдокия (6 марта), Николай (1 апреля), Любовь (20 апреля), Пелагея (9 октября). Так что Блынских в деревне стало больше, но знаменитым из них стал лишь он – Дмитрий Иванович. Исходя из метрической записи, трудно понять, откуда же взялась дата 23 февраля. Одно из предположений – при выдаче повторного свидетельства была допущена ошибка (или уже позже, когда будущий поэт получал паспорт). В таком случае, сам Дмитрий Иванович наверняка не знал, что настоящая дата его рождения 20 февраля, а не 23.

Конечно, три дня – это не три года и все же... В своей короткой, яркой жизни поэт прожил на три дня больше, чем мы до сих пор думали. Может быть, именно в эти три дня Иван и Прасковья Блынские размышляли, как назвать своего первенца (запись-то в сельсовете появилась только 26 февраля) и решили – именно Дмитрий.

И если, согласно некоторым теориям, имя в значительной степени определяет судьбу человека, то здесь это произошло со стопроцентным попаданием в «яблочко». «Дмитрий» – имя древнегреческого происхождения, – «Принадлежащий Деметре» – богине плодородия, одной из самых почитаемых богинь у греков, олицетворявшей Мать – Землю. Поэт Дмитрий Блынский всю свою жизнь посвятил родной земле и прославлял ее в поэмах и стихах. Думаю, Мать-Земля была ему за это благодарна.

*«Мать – Орловщина,
Всегда ты сыну верила,
Только к матери
ведут его следы:
Без тебя я, как без
корня жизни-дерево,
Как в селе моем колодец
без воды».*

Легенды и были земли Покровской

Дмитрий Блынский не мог представить себя без любимой Орловщины, а нам нельзя представить нашу Орловщину и Покровский район без имени Дмитрия Блынского.

А теперь несколько слов мы посвятим самой фамилии «Блынские», происхождению ее.

Фамилия эта – одна из самых известных и распространенных в дросковской зоне Покровского района (в деревнях Васютино и Внуково). Многие из Блынских – родственники, другие уже даже и не догадываются о своем родстве, хотя подозревают это.

Автору данных заметок довелось, изучая сведения о заселении Покровского края в конце XVI – в начале XVII века, убедиться, что Блынские были в числе первых поселенцев, обосновавшихся в районе Большого и Меньшего Дросковых лесов в самом начале XVII столетия. Дмитрий Иванович Блынский, правда, был уверен (в XIX – начале XX века сложилась эта легенда) в польских корнях своей фамилии, но на самом деле, как мы видим, все обстояло иначе.

До революции все Блынские крестьянствовали, причем (и это еще одно опровержение заблуждений Дмитрия Блынского) деревня Васютино (по другому чтению – Васютина) всегда была деревней казенной, а не владельческой (черносошные крестьяне платили налоги в пользу государства, тяготы оброка и барщины васютинцам знакомы не были).

После революции, в 20-30-е годы васютинцы по-прежнему работали на земле, хотя с начала 30-х годов уже в рамках колхоза (он назывался «Искра», а потом в результате укрупнения вошел в состав колхоза имени Кагановича, переименованного в конце 50-х годов в «Заветную мечту»).

В течение 25 лет руководителем хозяйства был уроженец деревни Иван Арсентьевич Блынский (за свои трудовые дела он в 1973 году был награжден орденом Трудового Красного Знамени).

Кстати, долгие годы Иван Афанасьевич общался, дружил с Дмитрием Блынским, всегда привечал его в родном колхозе и как реликвии хранил все прижизненные сборники поэта с его автографами.

Видным партийным и советским работником Орловщины стал Александр Степанович Блынский (до ухода на пенсию работал заместителем председателя облисполкома) – тоже уроженец Васютино.

Но чуть подробнее мне хотелось бы рассказать о четвертом человеке по фамилии Блынский (конечно же, тоже из уже упоминавшейся деревни).

Данил Кириллович Блынский родился в 1925 году, в начале 30-х годов уехал с семьей, спасаясь от голода, на Украину. Во время оккупации Украины Данила Блынского угнали на работы в Германию. В 1944-1945 годах он работал на одном из берлинских заводов. Однажды за то, что испортил предназначенную для фронта технику, Блынский был жестоко избит мастером цеха, и его собирались расстрелять за диверсию.

Уже после начала Берлинской наступательной операции местечко, где жили угнанные в Германию, освободили войска 5-й ударной армии. Данил Кириллович был мобилизован в ряды Советской Армии и успел в течение двух недель повоевать, участвуя в штурме Берлина.

И надо же так было случиться, что 1054-й стрелковый полк 301-й стрелковой дивизии 1-го Белорусского фронта, в котором рядовым стрелком сражался Блынский, вел бои именно в районе того самого завода, где он до этого работал. Блынский решил навестить своего обидчика – мастера, уже пообещав себе заранее, что обязательно убьет его. И нашел его в том же цехе. Но таким жалким выглядел прежде жестокий немец, так умолял, плача и стоя на коленях: «Пан! Пан!», – что даже бить его Данил Блынский не смог. Так, видно, устроена душа русского человека – прощать, хотя обиды были нанесены жестокие.

Легенды и были земли Покровской

Медали «За взятие Берлина» и «За победу над Германией» украсили грудь ефрейтора Блынского.

Три года после окончания войны Данил Кириллович прослужил в составе группы Советских войск в Германии.

Родная деревня Блынского Васютино после освобождения в феврале 1943 года с трудом восстанавливалась, голодала (особенно в засушливом 1946 году), и Данил это знал из писем отца и матери. И все-таки ни он, ни его товарищи не могли бросить одинокого немецкого мальчика, который целый год ходил в их часть и стал почти членом воинской семьи. Солдаты подкармливали его, играли с ним, обучали русскому языку (он здорово научился лопотать по-русски). А потом или родственники у него нашлись, или в детский дом его отправили, это уже установить нельзя (рассказать сейчас некому).

После демобилизации Данил Кириллович вернулся домой, в Васютино, а потом переселился в Покровское. Руки у него были золотые: паять, лудить, ремонтировать мог все – от любой бытовой машины до телевизора. Если что-то не ладилось с техникой – соседи всегда Данила Кирилловича звали, хотя официально он был специалистом по холодильным установкам.

За последние годы пережил ветеран 4 операции, но успел все же отметить свое 70-летие. Скончался внезапно, от инфаркта.

Одним Блынским стало меньше покровской земле. Но продолжают жить Блынские в деревне Васютино, в деревне Внуково, в Дросково и Покровском, в Орле и Москве. Улицы в селе Дросково и поселке Покровское носят имя знаменитого поэта-земляка, есть улица Блынского в областном центре. Эта фамилия уже осталась в истории на века.

Герой России – Юрий Чумак

В годы Великой Отечественной войны 167 уроженцев Орловщины за свои выдающиеся подвиги были удостоены звания Героя Советского Союза, 11 из них – наши земляки – покровчане.

29 орловчан стали полными кавалерами солдатского ордена Славы, и четверо из них – уроженцы Покровского района. Имена всех своих Героев-земляков мы давно и хорошо знаем. И часто вспоминаем их, прославивших нашу малую родину на кровавых полях той войны, с момента окончания которой прошло уже 60 лет.

К сожалению, эти прошедшие 60 лет были не такими уж и мирными. В 1979-1989 гг. Советская Армия воевала на территории Афганистана, а со второй половины 90-х годов, когда не стало Советского Союза, молодые парни из разных городов, сел и деревень нашей страны были вынуждены защищать конституционный порядок на территории начавшей трещать по всем швам бывшей Великой России.

Вначале мы все услышали о первой «чеченской» войне (в целом закончившейся бесславно для нашей страны и армии), а потом, когда получившие полную свободу действий сторонники и последователи Дудаева совсем обнаглели, – началась и вторая «чеченская» война.

Тогда, в августе 1999 года, несколько крупных банд международных террористов (это стало ясно позже, а в то время они представлялись борцами за свободу чеченского народа – А.П.) вторглись на территорию Дагестана. Именно с этой республики боевики начали выполнять замысел по захвату территории соседних республик и созданию нового – ваххабитского государства на Северном Кавказе.

Если бы этот замысел удался, то на юге России возник бы крупнейший очаг мирового терроризма. В отличие от первой «чеченской» войны (1994-1996 гг.) российское

Легенды и были земли Покровской

правительство, которое возглавил В.В. Путин, действовать стало быстро и решительно.

В районы, куда вторглись бандиты, были посланы регулярные войска Российской армии. Их задачей на первом этапе стала необходимость остановить наступление противника и выбить его с территории Дагестана.

В Ботлихском районе этой республики боевики овладели селением Тандо и высотой, господствовавшей над всеми окрестностями. Местные жители называли ее «Ослиное ухо».

Выбить бандитов с этой высоты было поручено подразделению десантников под командованием капитана И. Хоменко. Среди тех, кто 19 августа скрытно, используя складки местности, подбирался к расположению боевиков, был и сержант, командир отделения, Юрий Чумак, уроженец деревни Озерное (Кологреево) – Покровского района Орловской области.

Отделение Чумака после артподготовки рванулось на штурм высоты. Он сам и его товарищи уничтожили около десятка боевиков, подавили два пулеметных расчета, захватили три гранатомета и большое количество стрелкового оружия и боеприпасов. Сам Юрий, ведя прицельный огонь из автомата, уничтожил трех бандитов.

Так было положено начало отпору чеченским террористам в этом районе. Но сил у них было еще достаточно, и боевики продолжали удерживать населенный пункт Тандо, по окраинам которого создали сильные оборонительные позиции. Особенно мешали намечавшемуся наступлению десантников огневые точки противника на высоте 156.5.

Через три дня, 22 августа 1999 года, командование десантного батальона, прежде чем идти на штурм Тандо, решило выслать небольшую разведгруппу – для уточнения расположения боевиков.

Командиром разведчиков был назначен капитан Хоменко, а одним из добровольцев, которые вызвались пойти в разведку, стал сержант Чумак.

Переодетые под боевиков, десантники сумели скрытно приблизиться к позициям бандитов, производя разведку их позиций и огневых точек.

Когда задача, поставленная командованием, капитаном Хоменко была выполнена, данные по высоте он передал по рации командиру подразделения, которое готовилось к штурму.

И в тот момент, когда группа Хоменко решила перебазируться, чтобы занять более выгодные позиции, боевики обнаружили десантников.

Начался бой, в ходе которого возникла угроза окружения группы. Капитан Хоменко отдал приказ бойцам уходить, а сам остался прикрывать отход своих товарищей и подчиненных.

Сержант Чумак остался вместе с командиром, и тот принял его помощь.

Вдвоем было полегче. Хоменко и Чумак заняли выгодные позиции и открыли огонь по приближавшимся боевикам.

Как споткнувшиеся об огненную завесу, боевики залегли. Это дало возможность выйти из окружения основному составу разведгруппы. Обозленные боевики усилили огонь. Одна из пуль попала в капитана Хоменко. Ранение оказалось смертельным.

Оставшись один, Юрий Чумак, продолжая вести стрельбу по бандитам, попытался – вместе с телом командира, – вырваться из окружения. Но слишком много было боевиков.

И хотя плотный огонь, который вел Юрий, уложил на землю не одного террориста, но их кольцо, в конце концов, сузилось так, что сержанту укрыться от бандитского огня не удалось.

«Голубой берет», командир отделения Юрий Чумак бился до конца, до последнего дыхания, пока держали автомат его крепкие руки.

Понеся огромные потери и озверев от них, боевики, добравшись до уже бездыханного тела, в ярости надругались над ним, отрезав ему голову.

Легенды и были земли Покровской

Когда, спустя некоторое время, десантники полностью выбили чеченских бандитов и с высоты, и из селения Тандо, рядом с телами капитана Хоменко и сержанта Чумака они нашли большое количество пятен крови. Видно было, что дорогую цену заплатили бандиты за жизни двух героев.

Указом президента России от 27 октября 1999 года капитану Игорю Хоменко и сержанту Юрию Чумаку было присвоено звание Героев России (посмертно).

Рассказав о подвиге бойцов – десантников, сообщим теперь и подробности биографии Юрия Чумака.

Его родители, Алексей Иванович и Ольга Ивановна, закончив в 1975 году Курский сельхозинститут, приехали на работу в Покровский район. Председателем колхоза им. Карла Маркса был тогда А.М. Тарасов. Его заместителем и стал молодой специалист Алексей Чумак.

Алексею Ивановичу и его жене выделили только что построенный колхозом новый дом (целую улицу тогда построили на месте бывшего сада помещика Кологривова). Именно в нем родился у семьи Чумаков сын, названный Юрием.

Быт молодых стал налаживаться. По словам Клавдии Николаевны Никулиной, ныне пенсионерки, проживающей в деревне Озерное, а в те годы – бухгалтера колхоза, приезжие оказались очень хорошими специалистами и людьми. Ольга ухаживала за маленьким сыном, Алексей Иванович мотался с утра до вечера по колхозным полям.

Жители Озерного вскоре хорошо узнали и полюбили молодого зампреда – он умел разговаривать с людьми.

К сожалению, счастливая жизнь семьи Чумаков в Покровском районе вскоре закончилась – в автомобильной катастрофе трагически погиб Алексей Иванович Чумак.

Ольга Ивановна, у которой все близкие родственники проживали в Белгородской области, решила переехать к ним.

Поселились молодая вдова и ее маленький сын в пос. Октябрьском (Белгородский район). Здоровье у Ольги Ивановны после смерти мужа сильно пошатнулось, она часто болела, но все свои силы и время ежедневно и ежедневно тратила на воспитание сына.

С раннего детства Юра понимал, как тяжело матери одной поднимать его на ноги, поэтому старался никогда не огорчать ее. Был хорошим учеником, отличным спортсменом, любил возиться с младшими детьми, поэтому после окончания в 1994 году средней школы поступил в Белгородское педагогическое училище.

Окончив его в 1997 году, Юрий Алексеевич Чумак был направлен учителем физкультуры в среднюю школу села Бессоновка (в том же Белгородском районе). За два месяца работы он успел завоевать авторитет среди учителей и учащихся.

27 ноября 1997 года военным комиссариатом Белгородского района Юрий Чумак был призван в Вооруженные силы России. В Омске, в войсковой части 62232 учился на механика – водителя боевой машины десанта. Сбылась его мечта о воздушно-десантных войсках.

С 1 июля 1998 года Юрий Чумак начал службу в части 54801, где зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны.

Вот так оценило его командование в служебной характеристике: «Исполнительный, добросовестный военнослужащий. Требователен к себе и к своим подчиненным, является первым помощником командира подразделения. Среди своих сослуживцев сержант Чумак Ю.А. пользуется заслуженным авторитетом».

С апреля 1999 года сержант выполнял специальные задания командования на территории Дагестана по охране наиболее важных объектов аэропорта г. Махачкалы.

А потом наступил август 1999 года, и произошло то, о чем мы писали вначале.

Легенды и были земли Покровской

Похоронили Героя России Юрия Чумака на гражданском кладбище поселка Октябрьский, Белгородского района, Белгородской области. На его могиле установлен памятник из черного гранита.

В соответствии с постановлением главы администрации Белгородского района от 23 февраля 2000 года № 150 имя Героя России Юрия Чумака было присвоено средней школе поселка Октябрьский, в которой он учился.

На здании школы, а также на здании Белгородского педагогического колледжа открыты мемориальные доски Юрию Чумаку. На них выбиты золотом слова:

*«Герой не гибнет, умирая,
Двойная жизнь ему дана,
И эта жизнь его вторая
Бессмертной славою полна».*

Имя сына, ценой своей жизни спасшего товарищей, как на этом мраморе, – вечно хранится в сердце и памяти его матери, Ольги Ивановны.

Помнят Юрия Чумака в поселке Октябрьский, где он учился и жил. Ежегодно проводится здесь турнир по мини-футболу, посвященный Памяти Героя.

Помнят Юрия Чумака в Белгороде, где в его педагогическом колледже проводится турнир по каратэ среди команд Белгорода, Белгородской и Харьковской областей (Юра был замечательным спортсменом).

Знают имя Юрия Чумака в Орле, где ему посвящена экспозиция в военно-историческом музее.

Будем помнить его и мы, покровчане. Пусть немного прожил Юрий Чумак на нашей земле, но он здесь родился, он – уроженец земли Покровской, продолжатель славных традиций 11 Героев Советского Союза и 4-х кавалеров ордена Славы. Юрий Чумак – наш первый земляк – Герой России.

Думаю, его имя на Покровской земле тоже должно быть увековечено. Мне кажется, самый лучший вариант – называть именем Юрия Чумака военно-спортивный клуб «Десантник».

Александр Польшин

А в районном краеведческом музее Юре посвящен отдельный стенд, – с фотографий которого он смотрит на нас – молодой и красивый.

Р.С. Биографические данные героя.

Юрий Алексеевич Чумак, бывший командир отделения десантно-штурмовой роты воинской части 54801, сержант, 1977 года рождения, уроженец д. Кологреево Покровского района, звания Героя России удостоен Указом Президента за №1453 от 27.10.99 г. Награжден медалью «Золотая Звезда» №511 – за исполнение воинского долга в Дагестане.

Благотворители земли Покровской

Так уж складывалось исторически, что любое важное общественное событие на Руси не обходилось без конкретного вклада в него отдельных, радеющих за народное благо, лиц.

Особенно это касалось такого Богоугодного дела, как строительство храмов.

На территории современного Покровского района к началу 20 века находилось 22 православных церкви. Начиная от самой ранней из построенных – Михаило-Архангельской – в селе Дросково – до самой последней по времени – Вознесенской – в селе В.-Жерновец – все они создавались на пожертвования местного населения.

Нам известно очень немного о дарителях и благодетелях храмов, но некоторые сведения сохранились в исторических источниках.

К постройке двух церквей в нашем крае – в с. Покровское и селе Троицкое имели отношение помещики из рода Мацневых. Кузьма Мацнев пожертвовал землю и деньги на Покровский храм, а Николай Мацнев полностью на свои средства выстроил церковь Святой Живоначальной Троицы в одноименном селе, а потом постоянно оказывал материальную помощь служителям этой церкви.

К 1828 году в селе Алексеевка (Липовское) появился величественный двухпрестольный храм Трех святителей – Петра, Алексея и Ионы.

Его создавал на свои средства в течение нескольких лет местный землевладелец, один из богатейших людей края, князь Алексей Куракин. Трехсвятительская церковь, построенная в стиле классицизма, стала одной из наиболее своеобразных в Орловской губернии.

Храм этот сохранился до настоящего времени и до сих пор, несмотря на частичные разрушения, украшает облик села.

Много личных сбережений внесли в создание храма Владимирской Божьей матери в селе Федоровка помещики Мухортовы. Один из них, хороший знакомый писателя И.С. Тургенева, гофмейстер Двора Его Императорского Величества, Захар Николаевич Мухортов, скончался в 1876 году в С.-Петербурге, но завещал похоронить себя в склепе, под полом родной церкви.

Жертвовали на нужды храмов помещики Оловенниковы, Казины, Якушкины, Чиркины. Не оставались в стороне многие купцы – Ильинские, Басовы, Лисичкины и подавляющее большинство живших в селах и деревнях крестьян, которые несли в Божий Дом иногда последнюю копейку.

Но благотворительность, меценатство в те годы не ограничивались помощью только храмам, ведь были и другие, важнейшие для простых людей заведения – например, школы, больницы, начавшие свое существование в нашем крае со 2-й половины 19 века.

Помещик Николай Покатилов предоставил две десятины своей земли под строительство Покровской земской больницы, которая удобно расположилась на берегу реки Липовец, рядом с почтовым трактом Орел-Ливны.

Врачами в этой больнице работали потом его сыновья Константин и Владимир (основное здание больницы существует и до сих пор, а фамилия «Покатилов» сохранилась в названии заречной части поселка Покровское – А.П.)

Помещики Киреевские стали почетными попечителями Дросковской земской больницы. Эта добровольная должность предусматривала для ее обладателей только обязанности (оказывать объекту попечения постоянную помощь – А.П.), а вот прав никаких не давала.

Но многие из помещиков и купцов края в силу благородства и щепетильности своей души и не требовали от уездного или губернского начальства каких-либо привилегий для себя: они помогали развитию здравоохранения, образования, культуры совершенно бескорыстно, иногда даже в ущерб своему личному благополучию.

Легенды и были земли Покровской

Дворянин Михаил Оловенников, владелец имения в д. Юрьево, начав строительство народной школы в своей деревне, не рассчитал финансовых возможностей, в результате чего влез в долги, но школу все-таки открыл. Мало того, жалованье учительнице он платил затем из своего кармана, а его жена, Наталья, ставшая попечительницей, заботилась о том, чтобы школа содержалась в хорошем состоянии.

Сергей Оловенников, старший брат Михаила, хозяйствовавший в селе Покровское, открыл в своем имении публичную бесплатную библиотеку, брать книги в которой могли все желающие. (В настоящее время центральная районная библиотека носит имя Сергея Оловенникова – А.П.).

Чуть позже такие же библиотеки появились в селах Троицком и Столбечком у помещиков Мацневых.

На добровольные пожертвования верующих содержалась богадельня при Богоявленском Храме села Верхосенья, в которой доживали свой век оставшиеся без средств к существованию одинокие старики.

Ежемесячные, опять-таки добровольные, взносы делали жители сел Дросково и Смирные на содержание Вольных пожарных дружин, несколько раз спасавших населенные пункты от сильных пожаров.

Очень своеобразной формой скорее уже не меценатства, а взаимопомощи стали ссудно-кредитные товарищества, широко распространившиеся в нашем крае в самом начале 20 века. Фактически же иногда бравшие кредит крестьяне не могли полностью рассчитаться за него – но никто из кредитных товарищей, понимая состояние должников, не брал грех на душу, требуя возврата во чтобы то ни стало. Так что налицо была уже благотворительность в чистом виде.

И это лишь отдельные факты проявления в те годы христианской заповеди «Помоги ближнему своему».

В советское время о традициях меценатства у нас как-то подзабыли, но сейчас они возвращаются в нашу повсед-

невность, и хотя еще не так распространены, уже становятся заметны, особенно с приходом в 2002 году в Покровский район компании «Сет-инвест».

Ее руководство с самого начала пребывания у нас повело себя, как истинные благотворители – иначе чем можно объяснить то, что они рассчитались с долгами селянам по заработной плате, оставшимися в наследство от предыдущих хозяев (агрофирм «Покровская нива» и «Покровская нива-2»).

Этими широкими жестами ЗАО «Сет-Орел-инвест» не ограничилось. Инвесторы закупили технические средства обучения и книги для Федоровской средней школы, помогли материально Алексеевской и Никольской школам.

Но самый щедрый подарок глава фирмы Александр Самусев, как истинно православный человек, сделал чуть позже.

Еще в 1999-м году была заложена в райцентре Покровском одноименная церковь. Но строительство через год практически замерло: денег у района для такого грандиозного объекта не оказалось, область не помогла, спонсоров не находилось.

В 2004 году, после настойчивых переговоров районных властей, председатель Совета директоров «Сет-инвеста» А.Л. Самусев внес огромную (по нашим меркам, конечно) сумму – 10 млн. рублей – на строительство Покровской церкви. Строительство продолжилось ударными темпами, и к осени 2005 года храм открылся покровчанам во всем своем великолепии, блестя золочеными куполами, видными со всех сторон поселка.

Мало того, Александр Львович вскоре оплатил и половину стоимости замечательно красивого иконостаса с деревянным окладом.

18 октября 2005 года при огромном стечении народа Покровский храм был освящен и открыт для всех верующих. На этом большом для Покровского района празднике присутствовали архиепископ Орловский и Ливенский Паисий, губернатор области Егор Семенович Строев, ра-

_____ Легенды и были земли Покровской

ботники районной администрации и, конечно же, человек, без которого праздник не состоялся бы – Александр Львович Самусев, глава «Сет-Холдинга». Архиепископ Паисий, говоря проникновенные слова по случаю открытия храма, поблагодарил всех – и строителей, и главу района И.А. Хохлова (за его настойчивость при достижении цели) и, конечно же, А.Л. Самусева.

Заслуги Александра Львовича владыка отметил и вручением ему православного ордена Святого Даниила Московского.

Да, многие великие дела в России делались и продолжают делаться людьми, верящими, что с ближними своими надо делиться и всегда думать не только о жизни земной, но и о вечной.

Храм Покрова Пресвятой Богородицы в поселке Покровском теперь останется в истории как один из вновь построенных на Орловщине усердием многих православных братьев и сестер, один из которых просто сделал чуть больше других.

Имя его – раб Божий Александр Самусев.

P.S. Вот и все, читатель!

Пока все. Но хочется верить, что мы еще встретимся – уже на страницах новой книги, рассказывающей о других событиях и людях земли Покровской.

Содержание

Вступление	3
Сражение на реке Липовец (Сказание о 50 ливенцах, которые сами погибли, но войско татарское остановили)	4
Дросковская история (Как князь Репнин по пьяному делу чиновника уволить не смог)	10
Как крестьяне села Смирные с помещиком Киреевским воевали	14
По ком звонил «КОЛОКОЛ» (Малоархангельский злодей – помещик Мацнев)	18
Как помещик Мацнев после своей смерти земляков спас	24
Рассказ о помещиках Мухортовых и их имении	28
Барышня-крестьянка и рыцарь-помещик, или Как любили в старину	34
И зазвучал вновь колокол	40
Село на Пафнутцевом шляхе	44
О Никодиме Верхососенском, чудотворце и целителе	48
Как покровчане в Раю умирали... ..	55
Расстрелянная деревня	61
Бой у деревни Дубинкиной (как собаки Ливны спасли)	70

Кровавые грабли войны, или как отцы-командиры в 1942-ом году	
своих солдат гробили	77
И на земле сражались до конца	82
Летчики – герои	87
Задача – вызвать огонь на себя (подвиг Ивана Дубинина)	91
Тогда им было восемнадцать (воскресший под Мемелем)	94
Слава и ее кавалер	97
Как в Покровском районе железную дорогу пытались построить	102
Как в Покровском районе каучук производили (история одной неудавшейся компании)	106
Рассказ об одном деле (история колхозницы Марии Некрасовой)	112
Один день и вся жизнь Александры Гревцевой	117
«Пусть от вас далеко я...» (несколько слов о Дмитрие Блынском и его однофамильцах)	124
Герой России – Юрий Чумак	130
Благотворители земли Покровской	137

[50-00]

Александр Михайлович Полынкин

Легенды и были земли Покровской

Верстка – Ю. Шмиголь

Обложка – Н. Смирнов

Фото – А. Дербенко

Издатель Александр Воробьев

Лицензия ИД №00283 от 1 октября 1999 года
выдана Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых
коммуникаций.

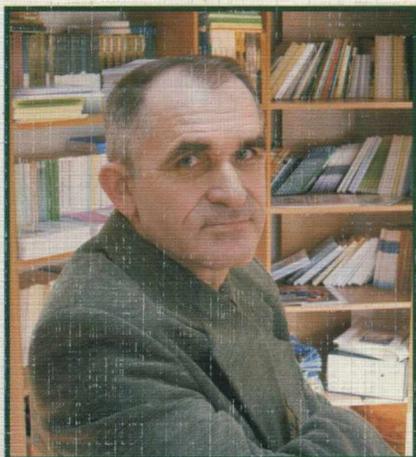
Подписано в печать 10.04.2007 г.

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Усл п.л. 9

Заказ № 324. Тираж 500.

Полынкин Александр Михайлович

Родился 5 февраля 1956 года в деревне Бунино Урицкого района Орловской области.

В 1978-ом году закончил историко-английский факультет Орловского педагогического института. Более четверти века проработал в системе образования Покровского района (учителем, заместителем директора, директором).

Все эти годы занимался и продолжает заниматься до сих пор краеведением.

Основал два музея, участвовал в создании нескольких документальных фильмов по истории Покровского края.

Автор книг – «Покровский край» (в соавторстве с В.М. Катановым – «Орелиздат», 2001 г.); «История Покровского края с древнейших времен» (в двух частях, Покровское, 1994 и 1995 гг.); «Отец» майора Пронина» (Орел, 2005 г.); «В десятку» (Орел, 2006 г.) и более 300 статей по краеведческой тематике в районных и областных периодических изданиях и сборниках.

